

маршанг

МЭДЛИН ХАНТЕР

*Серцог -
авантюрист*

Очарование (АСТ)

Мэдлин Хантер
Герцог-авантюрист

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

Хантер М.

Герцог-авантюрист / М. Хантер — «Издательство АСТ»,
2017 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-118317-2

Декадент и соблазнитель – таким знает лондонский свет скандального Адама Пенроуза, герцога Страттона. Однако под этой легкомысленной маской скрывается человек, одержимый жаждой мести за смерть и позор своего отца, несправедливо обвиненного в предательстве. Подобного мужчину трудно назвать идеальным женихом, тем более для богатой наследницы Клары Чезуик, которая предпочитает семейной жизни карьеру главного редактора. Но история Адама пробуждает в девушке охотничий азарт журналистки, и она соглашается помочь герцогу узнать, кто повинен в трагедии его семьи. Расследование начинается – и с каждым днем Адам и Клара становятся все ближе и дороже друг другу...

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Coe)

ISBN 978-5-17-118317-2

© Хантер М., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мэдлин Хантер

Герцог-авантюрист

Роман

Madeline Hunter

The most dangerous duke in London

© Madeline Hunter, 2017

© Перевод. Е.А. Ильина, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

*Посвящается моему мужу Уоррену, благодаря любви и поддержке
которого стало возможно создание этой книги*

Глава 1

Уорикишир, Англия, апрель 1822 года

При желании вдовствующая графиня Марвуд могла стать грозным врагом. Если кто-то вдруг проявлял дерзость, отказываясь воспринимать ее всерьез, она использовала это в качестве оправдания, чтобы сеять вокруг смуты и раздоры – исключительно ради собственной забавы.

Адам Пенроуз, герцог Страттон, сразу понял, с кем ему придется иметь дело.

По просьбе вдовствующей графини он приехал в загородное поместье ее внука. «Давайте попробуем забыть прошлое, – писала она, – и положим конец давней вражде между нашими семьями».

Адам решился на этот визит из любопытства, ибо не представлял, каким образом графиня собирается осуществить свое намерение. Однако одного взгляда на эту пожилую даму хватило, чтобы понять: ее планы не сулили ему ничего хорошего.

Заставив Адама ждать, графиня переступила порог гостиной лишь спустя полчаса после его приезда. Она вплыла в комнату подобно флагманскому кораблю. С прямой спиной, горделиво вскинутой головой и полной грудью она напоминала одну из тех деревянных фигур, коими украшают нос корабля.

Траур по недавно скончавшемуся сыну заставил ее облачиться в платье из черного крепа, стоившее, судя по всему, несколько сот фунтов. Голову графини венчали пышные седые букли – свидетельство ее скорби по канувшей в Лету моде на парики. Взгляд ее больших бледно-голубых глаз критически скользнул по фигуре молодого человека, а губы растянулись в притворной улыбке, отчего морщины, сплошь покрывавшие ее узкое, чуть вытянутое лицо, стали еще заметнее.

– Стало быть, вы вернулись, – произнесла графиня, когда после короткого приветствия она и ее гость опустились в глубокие массивные кресла.

– Да, пришло время.

– Некоторые люди считают, что вам следовало бы это сделать два-три года назад. Или даже раньше.

– Но только не я.

Графиня фыркнула, презрительно выпятив губы, и все ее лицо сморщилось.

– Вы так долго жили во Франции, что выглядите как истинный француз.

– Я и являюсь таковым наполовину, если учесть мое происхождение.

– Как поживает ваша дорогая матушка?

– Она счастлива в Париже. У нее там много друзей.

Графиня вскинула брови и растянула губы в сардонической усмешке.

– Я ничуть не удивлена. Странно, что она до сих пор не женила вас на одной из себе подобных.

– Полагаю, что на роль моей супруги больше подойдет англичанка. А вы как думаете?

– Совершенно с вами согласна. Для вас это будет очень кстати.

Адаму не хотелось обсуждать собственную мать и причины, по которым он стремился к прочному браку.

– Миледи, вы в своем послании упомянули прошлое. Не расскажете об этом поподробнее?

Графиня в замешательстве развела руками.

– Наши семьи враждуют так давно, что уже мало кто вспомнит, что послужило тому причиной. Эта вражда совершенно никому не нужна. В конце концов, наши земли расположены по соседству, так что мы вполне могли бы забыть о былых раздорах, если б захотели.

Не в силах вынести столь пренебрежительного отношения к прошлому, Адам поднялся и подошел к высоким окнам гостиной, выходявшим на великолепный сад и видневшиеся в отдалении холмы. Особняк и прилегающие к нему земли располагались в расстилавшейся у их подножия долине.

– И как же вы предлагаете уладить наши разногласия? – спросил Адам, пытаясь освободиться от охватившей душу горечи. Графиня прекрасно знала, что послужило причиной недавних разногласий, и наверняка была в курсе той давней истории. И если она признает это, то предложение мира будет звучать в ее устах по меньшей мере странно. «Мы украли ваши земли, жестоко обращались с вашей матерью и довели до смерти отца, но вы должны быть выше этого». Наверное, так прозвучало бы ее предложение заключить мир.

Обернувшись, Адам увидел, что графиня не спускает с него глаз. И казалось, она была чем-то озадачена – как если бы он сделал что-то неожиданное и теперь она никак не могла понять, что бы это значило.

Адам вскинул брови и вопросительно посмотрел на хозяйку дома.

– Я предлагаю уладить наши разногласия старым проверенным способом – так, как это делалось на протяжении многих столетий, – проговорила графиня. – Полагаю, что наши семьи смогут заключить мир и объединиться посредством брака.

Адам с трудом скрыл изумление. Такого поворота он никак не ожидал. Графиня предлагала не просто перемирие, а союз, основанный на очень крепких узах. Союз, который положит конец его попыткам понять, какую роль сыграла семья графини в смерти его отца, и не позволит отомстить в том случае, если его подозрения подтвердятся.

– Осмелюсь предположить, что одним из брачующихся должен выступить я, поскольку у меня нет сестры, которую я мог бы выдать за вашего внука.

– Вы правильно истолковали мои намерения. У моего внука есть сестра, которая идеально вам подходит. Эмилия обладает всеми качествами, которые так нравятся мужчинам, и станет идеальной герцогиней.

– Вы говорите с такой уверенностью... хотя совершенно не знаете, какие именно качества мне по нраву.

– В самом деле? Я, знаете ли, прожила долгую жизнь, научившую меня многому. Моя внучка обладает красотой, грацией и скромностью. К тому же прекрасно воспитана. Именно эти качества вы, как и все мужчины, цените превыше всего, не так ли?

Ужасно хотелось добавить еще несколько качеств, которые непременно шокировали бы графиню, однако здравый смысл взял верх. Ведь Адам давно усвоил одну непреложную истину: противник не должен знать ваших истинных намерений – только в этом случае можно выиграть сражение.

– Подобными качествами обладает большинство девушек, – заметил он. – Давайте начистоту, миледи. Что выиграю от этого брака лично я?

– О, как вы прямолинейны... Но я прекрасно вас понимаю. Так вот благодаря этому браку мы станем союзниками. Это выгодно и вам, и нам.

– Беда в том, что мы оба прекрасно знаем: этого не случится. Вы предлагаете мне мир, но ведь ни разу не пытались договориться с моим отцом. Так что с моей стороны было бы глупо игнорировать причины, толкнувшие вас на такой шаг. Принимая же во внимание пересуды о моей жизни во Франции, я пришел к выводу, что вы хотите выгод для своего внука. Но какие выгоды от этого брака получу я?

Графиня прищурилась, и ее морщинистое лицо словно окаменело. Она совершенно не выказывала страха, и Адама поразила ее сила духа. Впрочем, опасность-то грозила не ей.

Поднявшись со своего места, она сказала:

– Давайте выйдем на террасу. Я покажу вам свою внучку. Одного взгляда на нее окажется достаточно, чтобы понять, какую выгоду вы получите.

Адам последовал за графиней на бодрящий апрельский воздух. Раскинувшийся внизу сад напоминал красно-коричневый гобелен с вкраплениями молодой зелени и яркими пятнами желтых, розовых и лиловых цветов. Адам предположил, что это тюльпаны. Когда он уезжал из Франции, они еще не зацвели.

В тридцати футах от дома, окруженная всем этим тянувшимся к солнцу великолепием, сидела девушка. Она сидела на каменной скамье, и Адам заметил в ее руках раскрытую книгу, которую она, однако же, держала так, чтобы спина оставалась прямой. На девушке было бледно-голубое платье – очевидно, сегодня графиня освободила ее от ношения траура. Совсем юная, лет шестнадцати от роду, она казалась очень хорошенькой. Ее белокурые волосы отливали золотом в лучах весеннего солнца, а нежная кремовая кожа и очаровательное личико пленили бы сердце любого мужчины. Добавить к этому богатое приданое – и от женихов не было бы отбоя.

Графиня стояла рядом с Адамом с выражением уверенности на лице. Молодой человек ей не доверял, но это никоим образом не мешало ему восхищаться мастерством, с которым она вела свою партию. К тому же Адам не мог не признать: ее предложение и впрямь сулило ему некоторые преимущества – и вовсе не потому, что девушка оказалась столь хороша. Имя его отца и честь семьи оказались запятнанными настолько, что избавиться от шлейфа сплетен и пересудов помог бы только такой союз, который предлагала ему вдовствующая графиня.

Молодой герцог надолго задумался, и графиня, не мешая ему, терпеливо ждала. Наконец, не выдержав, проговорила:

– Эмилия славится своим мягким нравом, отменным чувством юмора и недюжинным умом. Так что скучать в ее обществе вам не придется.

Очаровательная Эмилия старательно делала вид, что погружена в чтение. Она словно не замечала взиравшего на нее мужчину, хотя расположилась на скамье таким образом, чтобы он мог разглядеть и ее лицо, и фигуру. По этой же причине она не стала накидывать на плечи шаль и не надела шляпку, которая защищала бы кожу от солнечных лучей. Интересно, как долго она сидела в саду в ожидании будущего жениха?

Как ни странно, это очаровательное существо не пробудило в душе Адама каких-либо чувств. Возможно, виной тому был возраст девушки, а также то обстоятельство, что красота и ум никак не могли компенсировать отсутствие твердости духа и силы воли.

Двери распахнулись, и на террасу вышел граф. Высокий и белокурый, он все еще не утратил некоторых черт неуклюжего подростка. Молодой человек бросил на бабушку сердитый взгляд, но та в ответ лишь поджала губы. Очевидно, появление внука никак не входило в ее планы.

Он подошел к Адаму с видом человека, намеревающегося пожать другу руку, однако его порывистое и излишне громкое приветствие свидетельствовало совсем о другом. Теобальд, граф Марвуд, боялся своего гостя. Адам прибыл в Англию две недели назад, и граф оказался далеко не первым, кто реагировал на его появление подобным образом, – репутация герцога была известна, и теперь все вокруг ждали, что он станет вызывать на дуэль каждого, чье поведение покажется ему оскорбительным.

И Адам не пытался никого разуверить. Во-первых, потому что действительно был готов к нескольким дуэлям (это зависело от того, что ему удастся узнать о событиях пятилетней давности). А во-вторых, он считал, что такие люди, как Марвуд, более уступчивы, когда охвачены страхом.

– Вижу, бабушка уже поделилась с вами своими соображениями относительно будущего моей сестры, – проговорил молодой граф, бросив взгляд на девушку, напоминавшую статую. Они с Эмилией были очень похожи – оба белокурые, очень красивые и юные.

На вид графу было не больше двадцати с небольшим. Слышал ли этот юноша сплетни, отправившие отца Адама в могилу? Скорее всего – да. Об этом свидетельствовал его страх. И это означало лишь одно: подозрения Адама относительно старинных врагов его семьи небеспочвенны.

– Вы склонны ответить согласием? – спросил Марвуд.

– Милорд, прошу простить моего внука, – вмешалась графиня. – Он еще слишком молод и считает нетерпение и пылкие проявления чувств мужской добродетелью.

Марвуд возвел глаза к небесам – словно молил Всевышнего ниспослать ему терпения – и тихо заметил:

– Полагаю, наш гость уже понял, насколько привлекательно может быть для него ваше предложение.

– В целом оно действительно привлекательно, – ответил Адам.

И он не лгал: ведь этот брак позволил бы перевернуть страницу и забыть о прошлом. Адам лишь сейчас подумал о том, что это было бы очень даже неплохо.

Юный граф бросил на бабушку исполненный оптимизма вопросительный взгляд, однако та, соблюдая осторожность, промолчала.

Адам же сосредоточил внимание на девушке в саду. Графиня тем временем отошла в сторону, а ее внук, напротив, подошел к гостю еще ближе – ему не терпелось завершить сделку, и он явно собирался перечислить все достоинства своей сестры. Краем глаза Адам заметил, как неодобрительно покачала головой графиня при виде такой горячности со стороны внука.

Внезапно внимание Адама привлекло какое-то движение на вершине холма – то было черное пятно, перемахнувшее через толстый ствол поваленного дерева и внезапно остановившееся. В следующее мгновение герцог понял, что перед ним женщина. Восседавшая на вороном коне, в черном одеянии, она внимательно смотрела в сторону дома.

– Кто это? – спросил Адам.

Граф прищурился и сделал вид, будто не узнал всадницу, однако бросив взгляд на Адама, он понял, что того не проведешь.

– Моя сводная сестра Клара, – тихо сказал Марвуд. – Дочь первой жены отца.

Темное пятно по имени Клара источало такое высокомерие, что Адам ощущал его даже на расстоянии. Ее конь бил копытами на вершине холма, а сама она взидала на происходящее внизу так, словно перед ней разворачивалось интересное театральное представление.

Адам помнил леди Клару Чезуик. Их официально не представляли друг другу, хотя ее дебют состоялся до его отъезда из Англии. Ясные глаза и живость – именно эти две особенности произвели на Адама неизгладимое впечатление.

– Похоже, траур не мешает ей приятно проводить время, – заметил Адам.

– На это она ответила бы вам, что таким образом отдает дань памяти отцу. Они очень любили выезжать на верховые прогулки вдвоем.

– Но если именно она старшая сестра, то почему мне в жены не предложили ее? – поинтересовался герцог.

Марвуд вопросительно взглянул на бабуку, потом делано улыбнулся.

– Потому что цель этого брака – лишить вас желания меня убить, – неожиданно проговорил граф. – Ведь такое желание у вас, возможно, имеется...

Адам решил не разубирать графа относительно своих намерений: пусть этот щенок поволнуется – и, криво усмехнувшись, пробормотал:

– Марвуд, вы очень меня заинтриговали.

Бросив взгляд на бабуку, граф доверительно зашептал:

– Не хочу, чтобы у вас сложилось превратное мнение о сложившейся ситуации, поэтому буду с вами предельно откровенен. Отец избаловал и испортил мою старшую сестру, позволяя ей развивать в себе качества, совершенно непозволительные для женщины. Он никогда не настаивал на том, чтобы она вышла замуж, и теперь Клара считает, будто это ей ни к чему. Отец оставил ей довольно приличное наследство и поместье с прекрасными фермами. – В голосе графа послышалась горечь. – Милорд, я оказал бы вам медвежью услугу, если бы начал превозносить достоинства той, кто на самом деле – настоящая мегера.

Очевидно, Клара была любимицей покойного графа, и тот наверняка перевернулся бы в гробу, если бы услышал слова своего сына.

– Сколько ей лет?

– Засиделась в девицах. Уже двадцать четыре.

«Что ж, достаточно взрослая, так что скорее всего знает, в чем суть конфликта между нашими семьями, – размышлял Адам. – И наверняка она многое знает, если действительно была любимицей отца».

– Позовите ее сюда. Мне бы хотелось с ней познакомиться.

– Милорд, но вы же не хотите в самом деле...

– Позовите, – перебил герцог. – И велите своей младшей сестре опустить книгу. У нее, должно быть, уже руки затекли.

Марвуд поспешил передать бабке просьбу гостя. Стараясь сохранять спокойствие, графиня подплыла к Адаму.

– Боюсь, вы неправильно меня поняли, милорд. Чтобы этот брак принес удовлетворительный результат, невестой должна стать Эмилия. У Клары безупречный характер, однако она совершенно не подходит мужчине, стремящемуся обрести уют и гармонию в семейной жизни.

– Я всего лишь попросил познакомить меня с леди Кларой. К тому же я еще не дал положительного ответа на ваше предложение, – добавил Адам.

– Перед смертью мой сын очень серьезно обсудил со мной этот союз. Так что я всего лишь выполняю его волю. Он пожелал, чтобы вашей женой стала Эмилия.

– Но, бабушка, он всего лишь хочет с ней познакомиться, – сказал Марвуд и помахал Кларе рукой, приглашая ее вернуться в дом.

Конь под всадницей внезапно перестал перебирать копытами, и было ясно: девушка увидела жест брата. Какое-то время она взирала на людей, находящихся на террасе, затем натянула поводья, и конь взвился на дыбы. У Адама же на мгновение замерло сердце: казалось, всадница вот-вот соскользнет на землю, – но та прекрасно держалась в седле. Несколько секунд спустя леди Клара пустила коня в галоп и понеслась прочь от дома.

Графиня изобразила огорчение, но было очевидно, что она очень довольна поступком старшей внучки.

– Очень жаль, но она не заметила, как брат помахал ей рукой, – сказала пожилая дама.

– Она прекрасно все видела, – заявил Адам.

– Должен признать, что моя сестра довольно своенравна, и я вас об этом предупреждал, – проговорил Марвуд.

– Но вы не говорили о том, что она ведет себя оскорбительно по отношению к гостям, – заметил герцог.

– Я уверен, что она не хотела вас оскорбить. – Граф в замешательстве посмотрел на бабуку.

– В самом деле? – усмехнулся Адам. – В таком случае немедленно прикажите груму привести мою лошадь. Я самолично представлюсь леди Кларе, чтобы мои размышления о непреднамеренном оскорблении не помешали нашей новообретенной дружбе. – Адам отвесил графине поклон. – Передайте леди Эмили, что мы скоро с нею встретимся.

Глава 2

Клара ускакала от дома на целых две мили. О чем только думал Тео, призывая ее вернуться? Да и одета она совершенно неподобающе для встречи с гостем. Судя по напряженной позе бабушки, только Тео считал такое знакомство хорошей идеей.

Натянув поводья, Клара остановилась у небольшой рощи. Выбросив из головы мысли о брате, она соскользнула с седла на пенек, прыгнула на землю и достала из седельной сумки стопку листов бумаги. Отыскав удобное место под одним из деревьев, она села и сосредоточилась на рукописи, которую прислала вчера ее подруга Алтея. Рукопись следовало прочесть и отправить назад со своими пометками.

Погрузившись в чтение, Клара принялась делать карандашом пометки на полях. Девушка увлеклась работой, и на протяжении получаса не замечала ничего вокруг. Подняв же голову, внезапно обнаружила, что она уже не одна.

С расстояния примерно в сотню футов за ней наблюдал мужчина. Белый конь резко контрастировал с темным одеянием и черными волосами всадника, ниспадавшими на воротник, вопреки последней лондонской моде.

Она тотчас же его узнала: этот мужчина недавно стоял на террасе, – но у Клары возникло ощущение, что она где-то видела его и прежде.

Выходит, гость Тео последовал за ней в лес... Невероятная дерзость! А сейчас наблюдает за ней... Полное отсутствие хороших манер!

Клара хотела продолжить чтение, но потом решила, что это было бы неразумно. Одно дело – притвориться, будто не видела жеста брата, но совсем другое – сделать вид, что не замечаешь мужчину, находящегося прямо перед тобой.

Незнакомец подъехал ближе, и теперь Клара могла разглядеть его получше. Его губы кривились в усмешке, что лишь подчеркивало их чувственность. Взгляд темных глаз оценивающе скользил по ее фигуре. Черный же наряд незнакомца шили явно не в Лондоне. Впрочем, Клара знала, что в последнее время было модно во Франции, поэтому могла с уверенностью сказать, что наряд этот шили в Париже. На шее же был небрежно завязанный шарф.

Кларе вдруг подумалось, что незнакомец красив на этаким поэтически-задумчивый манер. Но она не раз встречала таких вот мрачноватых субъектов и не собиралась обзаводиться очередным подобным знакомым, каким бы красавцем он ни был.

Тут мужчина подъехал к ней еще ближе, однако спешиваться не стал – и сейчас, казалось, нависал над нею. Клара хотела встать, чтобы избавиться от столь неприятного ощущения, но потом передумала. Пусть знает: если он хотел ее напугать, то ему это не удалось.

– Добрый день, сэр, – произнесла девушка, всем своим видом стараясь показать, насколько нежелательно присутствие здесь этого всадника.

Мужчина наконец-то спешил и проговорил:

– К сожалению, я не был представлен вам должным образом, но думаю, вы не из тех, кто станет придавать значение подобным мелочам.

– Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, сэр.

Уголки чувственных губ чуть приподнялись так, что было очевидно: незнакомец распознал ложь, – загадочная полуулыбка свидетельствовала о том, что он видел насквозь сидевшую перед ним женщину.

– Ваша выходка задела меня, леди Клара. Вот что я имею в виду.

– Едва ли можно задеть совершенно незнакомого человека.

– И все же вам это удалось.

«Какой надменный...» – подумала Клара.

– Вы, кажется, сказали, что нас не представили... – Она изобразила улыбку.

Незнакомец коротко поклонился и произнес:

– Я Страттон.

Клара замерла на несколько мгновений. Страттон? Герцог Страттон... здесь? Тео сошел с ума!

Что ж, неудивительно, что его лицо показалось ей знакомым. Клара видела его много лет назад на нескольких балах. Это было еще до того, как ее отец умер, а герцог покинул Англию. Побывав в Лондоне десять дней назад, Клара слышала разговоры о его возвращении, но то обстоятельство, что Тео пригласил его сюда... О, это было выше ее понимания.

Приблизившись к ней почти вплотную, герцог прислонился плечом к стволу дерева и скрестил руки на груди – как человек, подготовившийся к долгой беседе.

Поднявшись, Клара крепко прижала рукопись к груди, чтобы листки не разлетелись по всему холму.

– Я понятия не имела, кто вы такой, – сказала она. – И даже если бы я попыталась догадаться, кто именно стоял рядом с моим братом на террасе, ваше имя пришло бы мне на ум в самую последнюю очередь.

– Да, конечно. Ведь наши семьи враждовали много лет.

– Очевидно, титул вскружил брату голову, раз он решил пригласить вас, – пробормотала девушка. – Не удивлюсь, если бабушку хватил удар.

– Вообще-то это она меня пригласила.

– Но это... это невозможно.

– Собственноручно написанное ею письмо стало для меня полной неожиданностью, – с усмешкой произнес герцог.

– И вы приняли ее приглашение. Почему?

– Видите ли, ваша бабушка была оплотом высшего света дольше, чем я живу на свете. В ее присутствии у матрон из «Олмака» начинают подкашиваться колени. Я просто не смог бы оскорбить отказом столь влиятельную особу.

Герцог явно насмехался над ней. На самом деле ему не было никакого дела до ее бабушки. Он не производил впечатления человека, готового поступиться гордостью семьи ради того, чтобы не обидеть старую графиню.

Клара ненадолго задумалась. Наверное, ей следовало спрятать в седельную сумку рукопись Алтеи и убраться восвояси, но любопытство взяло верх, и она спросила:

– Зачем бабушка пригласила вас сюда?

– Она предложила устроить брак с вашей сестрой, чтобы положить конец вражде между нашими семьями и похоронить прошлое. – И снова эта полуулыбка. – Можете представить мое изумление. Точно такое же написано сейчас у вас на лице.

На самом же деле Клара не просто изумилась – с каждой секундой ситуация становилась все более абсурдной и все более неприятной: у девушки возникло странное чувство, словно ее предали. Было больно за отца: он ни за что не одобрил бы этот союз. Кроме того... ведь с ней не только не посоветовались, но даже не сообщили о визите герцога. Должно быть, бабушке пришлось задействовать все имевшиеся в ее арсенале уловки, коль даже Эмилия не открылась старшей сестре.

– И когда же будет объявлено о помолвке? – поинтересовалась Клара, стараясь, чтобы голос звучал как можно язвительнее.

– Я пока не принял предложения вашей бабушки.

– Моя сестра красива и умна. Из нее, без сомнения, получится превосходная герцогиня. Вот только... Она не для вас. И я рада, что вы еще не приняли решения.

– Не вините меня в отсутствии решительности. Я пытался обдумать кандидатуру прекрасной белой голубки, когда меня отвлекла пролетевшая мимо черная ворона.

Ворона? Да как он...

– А потом ворона ударила меня крыльями по лицу, показала свой хвост и улетела прочь. – Герцог сделал еще один шаг и склонился над девушкой. – Я всегда принимаю брошенный мне вызов, леди Клара.

Он ошибся, если решил, что она задрожит и покраснеет. Хотя... По спине Клары действительно пробежала дрожь – слишком уж ее взволновал этот таинственный герцог. И теперь его темные глаза казались такими бездонными, что можно было утонуть в их глубинах. Близость этого мужчины и взгляд на несколько мгновений лишили Клару дара речи. Ей даже показалось, что она действительно слегка покраснела.

– Было бы лучше, если бы вы успели схватить голубку, когда вам представилась такая возможность, – проговорила она наконец. – А теперь у меня появилось время, чтобы убедить бабушку в нежелательности такого развития событий.

– Но моя кандидатура вполне ее устраивает.

– Почему же?

– А вы разве не знаете? – Герцог едва заметно усмехнулся. – Хотя... возможно, вы действительно не знаете...

Рядом с этим мужчиной Клара испытывала ужасную неловкость. На душе было тревожно, – но что именно ее тревожило?... К тому же ее охватило какое-то необъяснимое возбуждение.

Сделав шаг назад, девушка пробормотала:

– Прошу прощения, сэр...

Клара направилась к лошади, но уже через мгновение снова ощутила тепло мужчины, не остававшего от нее ни на шаг.

– Вы уезжаете, даже не пожелав мне хорошего дня? – произнес он. – О, вы определенно вознамерились нанести мне оскорбление.

Девушка вздрогнула и заявила:

– Я имею полное право пристрелить вас, а не только нанести оскорбление. Вы нарушили границы моих земель, что бы там ни говорила моя убитая горем бабушка. Земли моего брата начинаются в четверти мили отсюда.

– А я имею полное право надрать вам хвост за такое поведение, – с усмешкой сообщил герцог.

Гневно взглянув на него, Клара заявила:

– Сэр, подобные угрозы просто недопустимы. Вы забываетесь. Только попробуйте взмахнуть кнутом – и я тотчас же вас пристрелю. Да-да, не сомневайтесь. Не думайте, что меня можно запугать глупой мужской бравадой. Любой благовоспитанный джентльмен оставил бы без внимания маленькое недопонимание между мной и моим братом. Просто возмутительно, что вы решили, будто вправе последовать за мной и отчитать. А теперь я поеду своей дорогой, а вы – своей.

Девушка решительно направилась к лошади. Однако герцог не отставал. Его поведение ужасно раздражало Клару, и ей вдруг очень захотелось стукнуть его по голове рукописью Алтеи.

– Вы писательница? – Протянув руку, герцог коснулся страниц. От его руки исходило такое тепло, что Клара, вновь охваченная непонятным волнением, едва не отскочила от него.

– Это написала моя подруга. Очерк о... – Она осеклась. – Впрочем, для вас это не представляет никакого интереса.

– А вдруг?

– В таком случае выражусь иначе: это не ваше дело.

– Да, вы точно не писательница, – пробормотал герцог. – Вы – синий чулок.

– О, как же я ненавижу это выражение! – Клара сунула рукопись в седельную сумку. – Вы много лет прожили во Франции, а там, говорят, ценят образованных женщин. Но если

вы называли меня так лишь потому, что я читала, значит, жизнь во Франции вас ничему не научила... ну разве что ужасному поведению.

Клара взялась за поводья и приготовилась вскочить на коня.

– Позвольте вам помочь. – Герцог подошел поближе.

– Сэр, уходите, прошу вас! – Клара поспешно поставила ногу на пень и вскочила в седло.

– Превосходно, леди Клара. Я вижу, вы действительно проявляете независимость абсолютно во всем.

Клара едва сдержалась, чтобы не застонать.

– Неужели вы считаете, что я настолько неразумна, чтобы спрыгнуть на землю, не имея возможности вновь оказаться в седле?

Разворачивая коня, Клара успела заметить выражение лица герцога. Улыбка смягчила его черты, однако бездонные темные глаза свидетельствовали о серьезных раздумьях.

Адам с улыбкой глядел вслед удалявшейся леди Кларе.

Какая дерзкая женщина! Вроде бы все такая же живая, с ясными глазами, но гораздо более привлекательная, чем прежде. А ее чудесные огненные пряди то и дело вспыхивали в густых каштановых волосах...

Да-да, слишком дерзкая, по мнению большинства мужчин. Только вот сам Адам к этому большинству не принадлежал. Ему нравились хладнокровные, обладающие силой духа женщины. Если, конечно, те не относились к нему с явным пренебрежением. Но Адам мог простить леди Клару. На этот раз – мог. Планы вдовствующей графини застали ее врасплох, как, впрочем, и его самого. А грубить леди Клару заставляла старая вражда между их семьями.

Снисходительность Адама объяснялась еще и тем, что он захотел эту женщину с того самого момента, как увидел сидящей под деревом. И сейчас, после ее отъезда, желание лишь усилилось. А охваченные страстью мужчины, как правило, великодушны.

Адам вскочил в седло и направил коня на восток, в противоположную сторону от поместья Марвуда. Возвращаться не было необходимости. К тому же если он проедет еще несколько миль, то вскоре окажется на своей собственной земле.

Герцог миновал ухоженные фермы и небольшую деревушку. Принадлежали ли они леди Кларе? Если да, то отец действительно оставил ей внушительное наследство. Неудивительно, что Марвуд говорил об этом с таким негодованием.

Лишь оказавшись на вершине невысокого холма, Адам понял, где находится: узнал видневшуюся вдаль мельницу, хотя и не смог разглядеть речку, протекавшую по полям с севера на юг. По этой самой реке издавна проходила граница, отделявшая земли Марвуда от его собственных.

Адам тронул поводья и двинулся вперед, размышляя над предложением графини, якобы придуманным покойным графом. У того действительно имелись причины положить конец давней вражде. И Адам полагал, что знает эти причины. Судя по всему, характер графа не изменился даже перед лицом смерти.

Покойный граф устроил все так, чтобы выйти победителем, хотя и вложил оливковую ветвь мира в руки матери в надежде обезопасить сына.

Клара перевязала рукопись Алтеи лентой, поместив на самый верх листок со своими замечаниями. Алтея писала великолепно, однако была склонна пускаться в полемику, если тема или событие трогали ее за душу, но Кларе не составило труда исправить этот недочет.

Она как раз убирала рукопись в нижний ящик письменного стола, когда в библиотеку вошел Тео. Когда граф увидел сестру, его глаза вспыхнули гневом. Он подошел к стоявшим на столе графинам и налил себе бренди.

– Ты все испортила, – процедил он сквозь зубы. – Все шло замечательно до тех пор, пока ты его не оскорбила.

По возвращении домой Клара не виделась ни с братом, ни с бабушкой, и вот теперь Тео представилась возможность осыпать ее упреками. Только она этого не потерпит:

– Уверю: если бы ты сказал о визите Страттона, я бы постаралась держаться подальше.

– Это идея бабушки, – ответил граф. – Вполне здравая, надо сказать.

– Папа никогда не одобрил бы ничего подобного. А если вы хотите восстановить дружеские отношения с этой семьей, то пусть именно они делают первый шаг.

Тео ухмыльнулся, глядя в свой стакан, потом посмотрел на сестру.

– В последние полгода ты не так уж часто ездила в Лондон. И не возвращаешься в обществе, пока носишь траур. Ты ничего о нем не слышала, верно?

– В любом случае я не стала бы придавать большого значения слухам об этом человеке, поскольку он не имеет ко мне никакого отношения... ко всем нам. Так было со времен нашего деда, – заявила Клара, выросшая именно с таким отношением к семье своих врагов. Так что ее отцу – дорогому и любимому – не нужно было лишний раз пересказывать старую историю: ненависть и без того прочно поселилась в сердце его дочери.

– К сожалению, он не такой, как его отец и остальные родственники, – со вздохом заметил граф. – Этот человек... очень опасен.

Девушка рассмеялась.

– Мне он таким не показался.

Однако Клара кривила душой: от герцога ежесекундно исходила опасность, и ощущала это каждая клеточка ее тела.

Тео криво усмехнулся:

– Для женщин он опасности не представляет.

Клара пожала плечами, вполне согласная с этим утверждением.

– Видишь ли, он дуэлянт, – продолжал граф. – Убил двоих и тяжело ранил третьего. Во Франции. Одно неосторожное слово – и он тут же вызывает обидчика на дуэль. Причем дуэлей он никогда не отменяет. Поговаривают, будто бы он вернулся в Англию из-за требования французских властей покинуть их страну. – Тео залпом допил остатки бренди. – Он убийца, понимаешь?

При этих словах Тео, казалось, утратил присутствие духа. Плечи его безвольно опустились, брови сошлись на переносице, а взгляд был устремлен в пустоту.

Клара была на три года старше брата, он рос у нее на глазах, и сейчас она прекрасно понимала, что он боялся этого человека.

Встав из-за стола, она подошла к нему и тихо сказала:

– Сомневаюсь, что он вознамерился убить тебя, Тео. Ведь ссора между нашими семьями началась еще до твоего появления на свет.

– Но как лучше всего уладить дело? Пойми: одно неверное слово, один косой взгляд – и он получит основания...

– Ты слишком драматизируешь, – перебила Клара.

– Бабушка со мной согласна, – возразил граф. – Можешь насмехаться над моими доводами, но поведешь ли ты себя так же в ее присутствии?

Теперь объяснение, данное Страттоном своему визиту, обрело смысл, хотя Кларе оно по-прежнему казалось смехотворным. Видимо, смерть сына сказала на бабушкином рассудке, коль скоро она усмотрела в герцоге реальную угрозу. Что же касается Тео... он проявлял храбрость лишь перед лицом мнимой опасности, а когда опасность становилась реальной, поджимал хвост.

– Полагаю, вы с бабушкой рассудили следующим образом: став твоим зятем, Страттон не станет вызывать тебя на дуэль. Но не слишком ли высокая цена за спокойствие, а, братец? А как насчет Эмилии? Если герцог так вспыльчив, как ты говоришь, справедливо ли связывать их узами брака?

– Я же сказал, что для женщин он опасности не представляет, – проворчал граф.

Клара невольно вздохнула.

– Тео, ты не знаешь этого наверняка. И я не считаю, что нам стоило бы устанавливать с его семьей родственные связи.

– Но бабушка...

– Ты теперь граф, Тео, и должен думать собственной головой.

– Нелепый совет, Клара. Ведь твой брат совсем недавно покинул школьную скамью, – раздался голос вошедшей в библиотеку графини. – Я не допущу, чтобы ты усложняла дело, призывая Тео игнорировать мои наставления.

– Мне уже двадцать один год, – пробормотал молодой человек, залившись краской.

– Год-другой не играет никакой роли, – возразила графиня.

– Бабушка, я ничего не усложняю, – сказала Клара.

Пожилая леди опустилась в кресло и, выпрямив спину, чуть склонила голову к плечу. Строго взглянув на старшую внучку, она проговорила:

– Твое поведение привело к тому, что герцог уехал до того, как... то есть прежде, чем мы успели все уладить. Как это, по-твоему, называется?

– Отсрочка. Для Эмилии. Для всех нас. И нужна она для того, чтобы вы с Тео пересмотрели свое решение относительно более чем странного намерения выдать девочку замуж за этого человека.

– А мне он кажется вполне подходящим. Правда, слишком уж француз... Но чего еще ожидать с такой-то матерью? Надеюсь, нескольких недель будет достаточно, чтобы он свыкся с новой ролью и вновь занял место среди нас. И герцог знает, что для этого ему необходимо жениться на девушке безупречного происхождения. Мы поможем ему в этом. Приблизим его к себе и станем присматривать за ним, чтобы он не смог навредить твоему брату.

– Неужели вы думаете, что он действительно представляет опасность для Тео? Ох, да вы здесь все лишились разума...

– Ты, Клара, была любимицей моего сына и на этом основании продолжаешь считать, будто все про всех знаешь. Однако ты многого не понимаешь. Поверь, мне нелегко далось это решение. Но я не могу допустить, чтобы с Тео... что-нибудь случилось. В противном случае титул перейдет к его кузену. Предоставь это дело мне, Клара. Эмилия выйдет замуж за Страттона, и тем самым все наши проблемы будут решены.

Чтобы пресечь дальнейшие возражения внучки, графиня взяла книгу, водрузила на носочки и погрузилась в чтение.

Клара перевела взгляд на брата в надежде обрести союзника, но Тео отвернулся к графину с бренди и вновь наполнил стакан.

Глава 3

Остановив коня у клуба «Уайтс», Адам передал слуге шляпу и кнут и вошел внутрь.

Взгляды всех присутствующих тотчас же обратились в его сторону, и со всех сторон послышался шепот.

Герцог прошел по залу, с улыбкой кивая тем, кто при его приближении не отводил взгляд. Некоторые из ответных улыбок казались слишком уж приветливыми. Несколько минут спустя он вышел из зала через дверь, располагавшуюся в дальнем его конце, и направился к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Боюсь, все помещения заняты, сэр, – раздался у него за спиной нерешительный голос слуги.

Адам обернулся. Узнав стоявшего перед ним человека, слуга залился краской.

– Прошу прощения, ваша светлость. Я не думал, что это вы. С возвращением, сэр, и добро пожаловать.

– Они ведь наверху?

Слуга утвердительно кивнул, и Адам продолжил свой путь.

За одной из дверей слышались мужские голоса, и время от времени раздавался смех. Адам надавил на дверную ручку и вошел. Двое находившихся в комнате мужчин тотчас же замолчали.

– Проклятье... – пробормотал, наконец, один из них. – Брентворт предполагал, что ты можешь появиться сегодня в клубе, а я утверждал, что мы тебя здесь больше не увидим.

– Значит, он оказался прав, Лэнгфорд, а ты ошибался. – Адам уселся в кресло и осмотрелся. – Похоже, здесь мало что изменилось.

– Это точно. – Габриэль Сент-Джеймс, герцог Лэнгфорд, протянул другу сигару и улыбнулся. – Черт возьми, я ужасно рад тебя видеть. Говорят, ты приехал месяц назад. Где же ты пропадал все это время?

– Приводил в порядок дела. Просматривал grossбухи в поместье. – Адам потянулся за свечой и прикурил от нее сигару. – Уволил обворовывавшего меня управляющего. Ну... и тому подобное.

Адам занимался еще кое-чем, а именно собирал информацию о женщине по имени Клара Чезуик. И то, что узнал, еще больше распалило его интерес к этой особе.

– Стало быть, жил на лоне природы. Неудивительно, что до нас доходили лишь слухи да домыслы. – Эрик Маршалл, герцог Брентворт, поднялся со своего места, чтобы взять графин с виски. Он протянул бокал Адаму, потом наполнил бокал Лэнгфорда и свой собственный. На появление друга Брентворт отреагировал довольно сдержанно. Его суровое, с резкими чертами лицо лишь на мгновение осветилось едва заметной улыбкой. И никакого блеска в темных глазах, лишь испытующий взгляд.

Костюмы обоих джентльменов являлись образцами современной моды, но отличались один от другого, так же как и их манера держаться. Очаровательные короткие локоны Лэнгфорда выглядели так, словно их только что растрепал озорник ветер, в то время как из прически Брентворта не выбилося ни одного волоска. Шею Лэнгфорда украшал небрежно завязанный темный шарф, а вот белоснежный галстук Брентворта словно накрахмалили пять минут назад.

Нет, Брентворта нельзя было назвать холодным и флегматичным приверженцем традиций. Просто он ценил осторожность и никогда не выставял напоказ ни своих склонностей, ни мыслей. Чего нельзя было сказать о Лэнгфорде.

Адам был благодарен друзьям за то, что не изменили привычным ритуалам и восприняли его возвращение спокойно и без лишних вопросов. От его внимания не ускользнуло и

то обстоятельство, что ни один из друзей не занял его кресло, хотя оно удобнейшим образом располагалось возле источавшего тепло камина.

Отхлебнув виски, Адам затянулся сигарой, постепенно погружаясь в такую знакомую и родную атмосферу клуба. Он вернулся в Англию чуть более месяца назад, но только теперь по-настоящему ощутил, что оказался дома.

– А что за слухи? – поинтересовался он, взглянув на Брентворта.

Его друзья переглянулись.

– Хотя ты и уехал из Англии, разговоры о тебе не прекращались, – ответил, наконец, Брентворт.

– Ты имеешь в виду мои дуэли?

– Одну дуэль поймет любой джентльмен, и даже для двух можно найти оправдание, но три... – Лэнгфорд пожал плечами.

– Ни один из сидящих сейчас внизу не оставил бы безнаказанным оскорбление, нанесенное его семье, – заявил Адам. – Я сделал то, что сделал бы на моем месте любой другой.

– Да-да, конечно, – поспешно закивал Лэнгфорд. – Однако всех интересует вопрос: будешь ли ты продолжать в том же духе и здесь? Есть и те, кто в страхе припоминает какие-либо размолвки с тобой или с кем-то из членов твоей семьи. Но я уверен, что через несколько недель после твоего возвращения в общество об этом будет забыто.

– По мне – так лучше бы этого не случилось, – проворчал Адам.

Лэнгфорд взглянул на него с удивлением.

– Но ты же не хочешь, чтобы тебя считали опасным для общества человеком. Ведь в этом случае никто не будет с тобой честен.

– Если производимое мною впечатление опасного человека удержит глупых людей от глупых поступков, которые заставляют меня защищать собственную честь, – пусть считают меня опасным. – Адам со стуком поставил бокал на стол, давая понять, что тема закрыта. – Рад, что встретил здесь вас обоих, – добавил он.

– А где же еще нам быть вечером в первый четверг месяца? – Брентворт вскинул брови, изображая удивление. – Так уж повелось, и мы ничего не собираемся менять. Хотя ты нас и покинул, мы все равно остались герцогами-декадентами.

Адам улыбнулся. Так они называли себя еще в младших классах школы. Наследники герцогских титулов, друзья сразу же поняли, что у них много общего. В школе их считали чужаками, другие мальчишки их сторонились, поэтому они быстро усвоили, что воспринимать герцога нормально сможет только другой герцог. Эта мысль их сплотила и сделала закадычными друзьями.

Ежемесячным встречам в этой комнате они положили начало сразу после того, как закончили университет и вернулись в Лондон, чтобы в полной мере вкушать радостей, даруемых герцогскими привилегиями. Множество раз друзья встречались в этом клубе, а потом разлетались в разные стороны, чтобы узнать, насколько аморальными они могут быть на самом деле.

Шумные пирушки стали призванием Лэнгфорда. В приличных домах его принимали лишь потому, что он унаследовал титул, хотя зачастую пропуском в высший свет служило его обаяние, перед которым мало кто мог устоять.

Брентворт устал от такого образа жизни быстрее остальных и теперь являл собой образец герцога, безупречного во всем. Надменный и всегда уверенный в себе, он был на голову выше всех и в буквальном, и в переносном смысле. Но Адам вовсе не возражал против таких изменений в поведении и внешности друга. Он знал его слишком хорошо, чтобы понимать, насколько истинный Брентворт отличается от того, которого привыкли видеть в высшем обществе.

– Так почему же ты вернулся? – спросил Брентворт. – Прошло столько лет... Знаешь, я уже потерял всякую надежду увидеть тебя снова.

– Я бы мог ответить, что пришло время вернуться, но все не так просто. Французское правительство тоже решило, что меня заждались на родине. Жалобы на мое поведение дошли и до Англии. В результате меня вызвали ко двору.

Лэнгфорд рассмеялся.

– Как старомодно!.. И тем не менее очаровательно...

– Во Франции пахло жареным, в дело вмешался английский король, и вот я здесь, – добавил Адам.

– Ты уже нанес ему визит? – поинтересовался Лэнгфорд.

– Сразу после приезда. Мы выпили вина, и он расспросил меня о парижанках. Беседовали так дружески и непринужденно, словно я вернулся из увеселительной поездки.

– Стало быть, твоя английская половина подчинилась требованию английского короля, – заметил Брентворт. – Но если бы не это, то ты бы вернулся?

– Да, конечно, – кивнул Адам.

И не солгал. Гнев, заставивший его покинуть Англию, начал стихать примерно год назад, и он все чаще вспоминал о своих обязанностях, многие из которых нельзя было исполнять, находясь вдали от дома, в особенности – одну из них.

– Хорошо, что ты наконец-то объявился в городе, – произнес Лэнгфорд. – Завтра поедем к портному и закажем тебе несколько новых костюмов. Визит в парикмахерскую тоже не помешает. Не можешь же ты расхаживать по Лондону как один из тех французских графов, что соблазняют вдов, к их величайшему огорчению.

– Некоторые из них не так уж об этом сожалеют.

Адам опустил глаза и посмотрел на свой сюртук. Скроенный на французский манер, длиннее и уже тех, что были в моде в Англии, он действительно делал Адама похожим на иностранца.

– Давай напьемся, и ты расскажешь мне о них, чтобы я сгорал от зависти, – сказал Лэнгфорд.

– К сожалению, мне почти нечего тебе рассказать.

– Так каковы же твои планы? – спросил Брентворт.

– Полагаю, они ничем не отличаются от ваших: буду управлять своим поместьем и голосовать в парламенте, – то есть ничего особенного.

– И это все? – не унимался Брентворт. – Неужели ты прожил пять лет вдали от Англии только для того, чтобы, вернувшись, превратиться в провинциала, время от времени наезжающего в Лондон?

– Вообще-то я намереваюсь подыскать себе богатую и сладострастную жену. Пришло время жениться.

– Неужели? – усмехнулся Лэнгфорд. – Что ж, тебе – возможно, но только не мне.

– Не слушай его, – сказал Брентворт. – Видишь ли, две мамы юных дебютанток положили глаз на нашего друга. Вот он и прячется. К сожалению, ни одна из девушек не показалась ему достаточно сладострастной. Иначе он с радостью уступил бы одну из них тебе.

– Если претенденток две, то одна из них вполне могла бы достаться тебе, – заметил Адам. Странно, но представительницы высшего света почти никогда не обращали внимания на Брентворта. Молва гласила, что он пугал дебютанток до такой степени, что их мамы переключали внимание на кого-то другого. – Что же касается сладострастия, то ты уже подыскал даму, обладающую этим качеством, не так ли, Лэнгфорд?

Молодой человек рассмеялся.

– Наверное, во Франции существует возможность это выяснить, но у нас... Что ж, если ты забыл, напоминаю: здесь, в Англии, мы лишь надеемся на лучшее, но, как правило, наши надежды не сбываются.

Будучи наполовину французом, Адам находил весьма странной и любопытной склонность англичан к подавлению чувственности. Со стороны казалось, будто матери и бабушки собрались на совет еще в самом начале войны и в итоге постановили, что следует категорически отвергать все французское. Тем самым они лишили внушек и дочерей тех радостей, которыми сами с удовольствием предавались во времена своей молодости.

В комнате воцарилась тишина. Адам поднял глаза и увидел, что Брентворт пристально смотрит на него. И отнюдь не по-доброму.

– Ну, говори, – потребовал Адам.

– Черт возьми, и скажу...

– Не надо, Брентворт, – Лэнгфорд с мольбой взглянул на друга.

– А я настаиваю, – заявил Адам.

Брентворт поднялся со своего места и подошел к графину с виски. Он стоял у стола довольно долго, и Адам уже подумал, что друг успокоился или просто решил промолчать.

Но тут Брентворт вдруг резко развернулся и проговорил:

– Я понимаю, что ты горевал, понимаю, что было высказано много оскорблений, непристойностей и...

Вскочив на ноги, Адам швырнул бокал в огонь. Языки пламени, словно испуганные, заметались по камину.

– Оскорблений? Непристойностей? Да он покончил с собой из-за всего этого!

– Знаю, – кивнул Брентворт. – Но ты никогда не говорил об этом с нами. И не позволил тебе помочь. Просто исчез вместе с матерью, не сказав ни слова на прощание, и молчал целых пять лет. И вот ты как ни в чем не бывалоходишь в эту комнату и ведешь себя так, будто мы расстались только вчера. Черт возьми, Страттон, мы были друзьями много лет, а теперь ты ведешь себя так, словно мы оба ополчились против твоей семьи.

– Я никогда так не думал.

– Черт бы тебя побрал... – процедил Брентворт сквозь зубы.

Лэнгфорд сокрушенно покачал головой и пробормотал:

– Сядьте оба. Я и раньше говорил тебе, Брентворт, что в сложившихся обстоятельствах им руководили гнев и скорбь. Кто знает, как мы поступили бы на его месте? – Он одарил Адама улыбкой, в которой читалось... что? Прощение? – Ты ничего не должен нам объяснять.

Однако Адам прекрасно знал, что просто обязан объясниться. Гнев застил ему глаза, заставив отвернуться от всех и вся. Он фактически сбежал из Англии. Но не из-за недостойной смерти отца и не из-за того, что больше не мог никому доверять.

– Я уехал так поспешно только потому, что в противном случае убил бы кого-нибудь в припадке ярости. И не стал бы разбираться, виноват этот человек или нет.

Брентворт снова опустил в кресло, некоторое время сидел, не поднимая глаз на друзей, потом, наконец, спросил:

– А теперь знаешь? Знаешь, кого обвинять?

– Пока нет. – Адам пожал плечами.

– Интересный ответ. – Лэнгфорд стряхнул пепел с сигары. – Кажется, теперь мы знаем, зачем он вернулся в Англию. Правда, Брентворт?

Клара быстро ознакомилась с утренней почтой за завтраком в Гиффорд-Хаусе – лондонской резиденции семьи. Два письма ее заинтересовали.

В первом бабушка выражала свое недовольство:

«Мне сказали, что ты дважды отказалась принять Страттона, приехав в Лондон десять дней назад. А посему я настоятельно требую прекратить его провоцировать».

Письмо от Тео мало чем отличалось от бабушкиного.

«Мы вряд ли добьемся успеха в отношениях со Страттоном, если ты будешь продолжать наносить ему оскорбления. Подумай о будущем Эмилии, а также о моем. Неужели ты не можешь проявить хоть каплю уважения к этому человеку?»

Но ведь именно это она, Клара, и делала – думала о будущем сестры. И о будущем своей семьи. Сама мысль о том, чтобы наладить отношения с семьей Страттона, казалась ей неблагодарной и предательской. Пусть бабушка с братом делают что хотят. Она не примет их сторону. Старая графиня это знала и именно поэтому не посвятила ее в свои планы.

Надев шляпку и мантилью, Клара взяла со стола сверток и спустилась в холл. Не желая пользоваться принадлежавшим семье экипажем, она попросила лакея найти наемный, после чего вышла из дома и с облегчением вздохнула. К сожалению, уехать она не успела – на подъездной аллее остановился экипаж, и Клара тихонько выругалась.

Снова Страттон! И никуда не спрятаться! А посему солгать, что ее нет дома, не получится.

Но, с другой стороны, всякому стало бы ясно, что она уезжает, поэтому они со Страттоном коротко обменяются любезностями – затем пусть убирается.

Герцог вышел из экипажа и подошел к девушке. Отвесив поклон, он поставил ногу на нижнюю ступеньку крыльца и воззрился на Клару.

– Вы ведете довольно насыщенную жизнь, – заметил он.

– Я ношу траур, но пока еще не умерла.

Герцог указал на свой экипаж.

– Позвольте вас подвезти.

– Вы очень любезны, но скоро подъедет мой собственный экипаж.

– Но ведь его еще нужно дождаться.

В этом герцог был прав. Мысленно застонав, Клара пробормотала:

– Коль скоро вы решили нанести мне визит, давайте войдем в дом.

Она зашла в холл, передала свой сверток лакею и провела герцога в гостиную на втором этаже. Там опустилась в кресло, надеясь, что выглядит сейчас так же устрашающе, как ее бабушка.

Гость расположился в кресле подле нее, и Клара заметила, что после их встречи на холме его прическа изменилась. Теперь непокорные локоны были красиво подстрижены и не отвлекали внимания от ясных темных глаз, чувственных губ и волевого подбородка.

– С вашей стороны было очень любезно принять меня, леди Клара.

– Поскольку вы проинформировали членов моей семьи о том, что я не оказываю вам должного внимания, я сочла уместным сделать вид, будто поддерживаю их странное стремление завязать с вами дружбу.

– Вы очень прямолинейны.

– А вы очень настойчивы.

– Настойчивость считается мужской добродетелью, в то время как женская прямолинейность...

– Досадная неприятность, не так ли, сэр? А посему напрашивается вопрос: почему вы так упорно добивались встречи с такой досадной неприятностью, как я?

– Прекрасный вопрос, леди Клара. Но если вы видели меня во время первого визита, то теперь наверняка понимаете мои намерения.

«Станный ответ, – промелькнуло у девушки. – Какими бы ни были его намерения...»

– Может быть, вы просветите меня относительно своих намерений? – проговорила она. – Только побыстрее, чтобы я могла вернуться к своим делам, от которых вы меня отвлекаете.

Герцог тихо рассмеялся – как если бы леди Клара отпустила какую-то известную лишь им одним шутку, – и заметил:

– Ваш брат считает вас сварливой, и теперь я понимаю почему.

Сварливой?... Клара нахмурилась. Испорченный вероломный мальчишка!

– Я бы предпочла, чтобы меня называли прямолинейной. Уверена, что вы, как джентльмен, тоже предпочли бы именно этот эпитет.

– Да, конечно. В таком случае позвольте мне высказаться так же прямолинейно – чтобы вы могли побыстрее вернуться к своим делам. – С этими словами герцог подался вперед, упершись локтями в колени. И теперь его лицо оказалось совсем близко... – Вам ведь известно, что ваша бабушка планирует устроить наш с леди Эмилией брак.

– Да, известно.

– Так вот, я решил отклонить ее предложение.

Клара едва сдержалась, чтобы не завизжать от радости. Какое счастье, что хоть кто-то решил проявить благоразумие!

– Я пришел к выводу, что вы больше подходите мне и лучше вписываетесь в планы вашей бабушки, – добавил герцог.

В гостиной воцарилась тишина. Кларе потребовалось немало времени, чтобы осознать услышанное. И все равно слова герцога показались ей... по меньшей мере странными.

– Ваша сестра слишком молода для меня, – продолжал гость. – К тому же с той собственностью и доходом, которые дают за ней в качестве приданого, она не будет для меня подходящей женой. Ну, что скажете?

Клара попыталась собраться с мыслями. Заявление герцога ошеломило ее, но ей все же удалось сохранить хладнокровие.

– А вы встречались с Эмилией? – спросила она.

– Нет, но это не имеет значения. Я абсолютно уверен: несмотря на все свое внешнее очарование, она совершенно не подходит мне в качестве жены.

– Но как вы можете такое говорить, если даже не...

– Я просто это знаю.

– В таком случае постарайтесь передумать – и как можно быстрее, – потому что я тоже совершенно вам не подхожу.

Герцог откинулся на спинку кресла. Решительный отказ леди Клары явно не произвел на него должного впечатления.

– Вполне понятно, что вас удивило мое предложение, но я уверен, в конце концов вы его примете.

И тут Клара, не сдержавшись, вскочила на ноги и гневно посмотрела на сидевшего перед ней самонадеянного глупца. К сожалению, герцог последовал ее примеру, и теперь, вместо того чтобы триумфально смотреть на него сверху вниз, Кларе пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо.

– Но я не услышала никакого предложения, – проговорила она. – Из ваших уст прозвучал приказ. Но знаете... Я никак не могу взять в толк, с чего вы решили, что я подчинюсь. Даже если бы мне когда-нибудь вздумалось выйти замуж, вы были бы последним человеком, которого я стала бы рассматривать в качестве мужа. Отец перевернулся бы в гробу, если бы подобная идея пришла мне в голову. А теперь, сэр, благодарю вас за визит, но мне пора ехать по делам. Я и так уже опаздываю.

Развернувшись на каблуках, Клара покинула гостиную и спустилась по лестнице. Забрав у лакея сверток, она вышла из дома и почти тотчас же почувствовала, что герцог неотступно следует за ней.

Наемный экипаж уже ждал рядом с экипажем Страттона. Герцог бросил на него взгляд и спросил:

– Почему вы не пользуетесь вашим семейным экипажем?

– Не хочу. – Клара спустилась по каменным ступеням и направилась к экипажу.

Герцог присоединился к ней.

– Осмелюсь предположить, что вы направляетесь на тайное свидание. И не хотите, чтобы о нем знали слуги. Другого объяснения наемному экипажу я не нахожу.

Кларе ужасно захотелось стукнуть его свертком – этот негодяй говорил слишком громко, да еще в присутствии лакея.

Клара опустила на сиденье, и лакей закрыл за ней дверцу. Дождавшись, когда тот отойдет подальше, герцог сказал:

– Сейчас я не стану требовать от вас объяснений, но если вы собираетесь встретиться с мужчиной, то должны немедленно положить конец этой связи, поскольку мы с вами помолвлены.

Клара выглянула в окно и прошипела:

– Ошибаетесь, сэр, мы не помолвлены!

В следующее мгновение экипаж отъехал от дома, но глаза девушки еще долго метали молнии.

Спустя полчаса Клара уже стояла у стола в библиотеке дома на Бедфорд-сквер. На столе лежали стопки рукописей и чистый лист бумаги.

– Полагаю, у нас достаточно материала для очередного выпуска «Парнаса», – проговорила Клара. – Так что мы уже сегодня сможем обсудить с типографией график выхода журнала.

Склонив над столом свою белокурую голову, Алтея провела пальцем по самой тонкой из рукописей. Это была подборка стихов, которые подруги собирались опубликовать в своем журнале.

– Вижу, ты включила сонет миссис Кларк. Я очень рада.

Клара являлась тайным издателем и редактором журнала «Парнас». Мысль о его создании пришла ей в голову два года назад, и она тотчас же начала осуществлять задуманное. Первые два номера стали так называемой «пробой пера» и потребовали больших усилий, однако у журнала сразу же появились подписчики, что несказанно воодушевило Клару. Теперь же, получив наследство, она решила выпускать журнал регулярно.

Задуманный по принципу мужских журналов, «Парнас» содержал новости из мира политики, обзор театральных постановок и записки путешественников. Кларе нравилось подбирать информацию и факты для очередного номера, но она также принимала к публикации статьи таких острых на язык и чрезвычайно образованных дам, как ее подруга Алтея. Разумеется, учитывались и чисто женские интересы. Клара никогда не чуралась последних веяний моды, а посему модным тенденциям отводилась целая колонка.

Отличительной чертой издания являлось разнообразие авторов. С журналом сотрудничали также и дамы из высшего общества, предпочитавшие, правда, подписывать свои творения литературными псевдонимами. Что же касается вышеупомянутой миссис Кларк, то она была вдовой торговца и являлась владелицей магазина дамских шляпок. Обладая недюжинным поэтическим даром, эта женщина писала пронзительные стихи, необычайно своеобразные.

На журнал подписывались и представительницы высшего света, и простые горожанки, и даже так называемые «синие чулки». А успех журналу обеспечивал окутывавший его ореол тайны. Имя издателя, как и место рождения новых номеров, держалось в строжайшем секрете.

А рождались новые номера в этом самом доме на Бедфорд-сквер, купленном Кларой через три месяца после смерти отца. Девушку переполняли воспоминания о нем, когда она подписывала купчую. Она испытывала к отцу глубокую признательность за то, что он обеспечил ее недвижимостью и солидным доходом, дабы ей не пришлось зависеть от Тео. У Клары была особая связь с отцом, воспитывавшим ее как сына. Он обучал дочь верховой езде и стрельбе. А однажды сказал, как ему жаль, что она не сможет унаследовать поместье и титул. Клара знала: Тео никогда не простит ей того, что вся отцовская любовь доставалась ей одной.

Девушка искренне и безутешно горевала о своей потере. Горе едва не убило ее, ибо она погрузилась в него настолько глубоко, что уже не осознавала ни себя, ни того, что происходило вокруг. И вот однажды она поняла, что пришло время выбираться из этого состояния.

«Парнас» стал ее спасательным кругом, а покупка дома – первым шагом к новой жизни. Издательские дела заставляли Клару регулярно посещать Лондон. До недавнего времени эти визиты были недолгими, но теперь Клара стала проводить все больше времени в городе.

– Я еще не получила от леди Грейс статью о моде, – заметила Алтея.

Леди Грейс Бидуэлл начала сотрудничать с журналом совсем недавно. Будучи сестрой графа, она так и не вышла замуж. Клара чувствовала в ней родственную душу. К тому же леди Грейс слыла знатоком модных тенденций.

– Я пошлю ей напоминание, но долго ждать не стану, – решительно заявила Клара.

Совсем недавно она испробовала этот непреклонный тон на герцоге Страттоне – правда, без особого успеха. Она то и дело вспоминала их последнюю встречу, и ее настроение тотчас же портилось. Чем больше Клара думала о его предложении, тем сильнее разгорался в ее душе гнев.

Алтея устремила на подругу взгляд своих восхитительных голубых глаз. В присутствии этой невысокой молодой женщины Клара зачастую чувствовала себя великаншей. Нет, она не была слишком высокой или крепко сложенной. Просто Алтея уродилась чересчур уж хрупкой и изящной. Вдова капитана Галбрета, она жила в доме своего брата – сэра Джонатана Полуорта, баронета. Теперь Алтея полностью зависела от родственников – в отличие от Клары, которую покойный отец избавил от подобной участи.

– Ты сегодня явно не в духе, – заметила Алтея. – Тебя снова разозлил Тео? Настаивает, чтобы ты вернулась в загородное поместье?

– Нет. Все не совсем так. – Клара никогда ни с кем не делилась своими переживаниями, но сейчас ей хотелось рассказать кому-нибудь о тех странных событиях, что произошли в последнее время в ее жизни. Но только не о предложении герцога. О нем никто никогда не узнает. – Видишь ли, бабушка и Тео решили положить конец нашей давней вражде с семьей герцога Страттона.

– Неплохая идея, – заметила подруга. – Столь длительная вражда еще никому не приносила пользы.

– Бабушка никогда ничего не делает просто так, – пробурчала Клара. – Ее мозг – как силки браконьера, а ее дару стратега позавидовал бы сам Наполеон. И она настроена весьма решительно – как и Тео. Они даже приняли герцога у себя в поместье, хотя отец поклялся, что нога Страттона никогда не осквернит порога его дома.

Алтея принялась складывать статьи, отделяя одну от другой чистыми листами бумаги.

– А порог Гиффорд-Хауса? Я слышала, он недавно нанес тебе визит.

– Вот как? Значит, об этом уже говорят?... – пробормотала Клара. Что ж: может, оно и к лучшему – не придется рассказывать о том, что герцог Страттон действительно осквернил порог их городского дома.

– В городе о нем ходят всякие слухи. Но ты их не слышала, потому что надолго уединилась в Гикори-Гранж после смерти отца. – Алтея перенесла стопку бумаг на другой стол и принялась заворачивать в льняную ткань.

Последовав за подругой, Клара спросила:

– Что за слухи?

Алтея обмотала толстый сверток лентой, завязала ее изящным бантом и, пожав плечами, сказала:

– Не могу сообщить ничего определенного. Ну, знаешь, как бывает: люди разговаривают о чем-то, но тотчас же замолкают при твоём появлении. Шепот, тайны... В основном этим занимаются представители более старшего поколения.

– Но из обрывков разговоров ты наверняка поняла, почему к этому человеку приковано такое внимание. Не так ли?

Алтея снова пожала плечами.

– Кажется, я слышала, как мой брат назвал его опасным. И якобы это как-то связано с его дуэлями во Франции.

– О дуэлях я тоже слышала, – кивнула Клара. – Тео рассказал. Думаю, он боится, что Страттон вызовет на дуэль и его, если наши семьи не заключат мир. Глупость какая...

– Я также стала свидетельницей одного разговора в гостиной после званого обеда. Хозяйка дома хоть и замолчала при виде меня, но последнее слово я все же услышала.

– И что же это за слово?

– Я совершенно уверена, что услышала слово «мечь». А теперь, если ты хочешь поговорить с хозяином типографии, нужно отправляться в путь, иначе опоздаем.

Подруги накинули мантильи и надели шляпки. Клара немного завидовала подруге: ведь на той был наряд цвета морской волны и лимона. Нет, Клару не раздражал траур, и она носила бы его вечно, чтобы лишний раз почтить память отца. И все же она скучала по более ярким цветам и последним модным новинкам.

Крепко зажав под мышкой рукописи, Клара последовала за Алтеей к наемному экипажу, ожидавшему их за углом. Подруга снабдила ее крупными порциями информации о герцоге, но Клара сгорала от нетерпения – очень хотелось узнать больше. Этот надменный и самодовольный мужчина интересовал ее все больше. «Разумеется, как редактора журнала», – говорила она себе.

Значит, мечь? Но кому и за что? Судя по всему, в Лондоне знали об этом немногие, но и те предпочитали отмалчиваться.

Уже в экипаже Клара сказала:

– Все это ужасно интересно, Алтея. Ведь если Страттон ищет мести, то у любого возникнет вопрос: кому он собирается мстить и за что? Между прочим, он довольно влиятельный человек, герцог... Кто же обошелся с ним настолько дурно, что он вознамерился отомстить? Что же касается его опасности для окружающих...

– Пожалуй, я могла бы навести справки и выяснить подробности, – отозвалась подруга.

– Я тоже попробую. Посмотрим, что нам удастся узнать об этом человеке. Возможно, это ляжет в основу одной из статей в журнале.

Клара умолчала о том, что новая информация, вероятно, поможет ей избавиться от необъяснимых и неучтивых ухаживаний герцога.

Глава 4

Его с ног до головы покрывала пыль. Пыль поднималась с переворачиваемых им страниц и оседала на сюртуке подобно железным стружкам на магните. Но Адам продолжал перелистывать страницы старых газет, более заинтересованный не самими публикациями, а тем, о чем авторы умолчали. Смутный намек здесь, бесцеремонная ссылка там, упомянутое вскользь имя – он собирал информацию по крупицам, зная, что не найдет открытого обсуждения событий, так его интересовавших.

Герцог пришел в редакцию газеты «Таймс» в последнюю очередь – после того как посетил редакции других газет и журналов. И везде имелись экземпляры старых выпусков. Одни хранились в просторных библиотеках, другие – в сырых подвалах. Но Адам был терпелив и никуда не торопился, поэтому прочитал все статьи и заметки, имевшие хоть какое-то отношение к герцогу Страттону.

Некрологи оказались самыми бесполезными. Лишь в некоторых из них, помещенных в менее уважаемых изданиях, имелись смутные намеки на то, что человек покончил с собой. «Таймс» никогда не позволила бы себе писать в подобном тоне о герцоге, так что в основном превозносила достоинства и отменный вкус покойного герцога. Просматривая эти статьи и заметки, читатель ни за что не догадался бы, что нападки и провокации подтолкнули отца Адама к тому, чтобы свести счеты с жизнью.

Именно эти самые нападки и провокации и интересовали молодого человека. Конечно же, на такие щекотливые темы не говорили открыто, поэтому ему приходилось читать между строк: ведь ни один уважающий себя издатель не стал бы публиковать ничем не подкрепленные сплетни и пересуды.

И все же кое-какая информация начала просачиваться. Разумеется, никто не выдвигал никаких обвинений, но было ясно: важные люди в правительстве все прекрасно знали.

Адам отодвинул в сторону толстую подшивку газет. Он не обнаружил прямые свидетельства, которые искал, но и фактов, которые убедили бы его в том, что он ошибался в своих предположениях, тоже не нашел.

В самых высоких правительственных кругах поднимались вопросы о лояльности его отца. Министры и лорды говорили ему весьма неприятные вещи. Кое-кто собирал доказательства. Ситуация постепенно накалялась, и отец Адама целый год испытывал на себе невыносимое давление. Оказавшись в совершенном вакууме, без друзей и поддержки, герцог наложил на себя руки, чтобы избежать бесчестия, которое могло запятнать имя его семьи на долгие десятилетия.

Вопросов не возникало лишь относительно самого последнего деяния отца и подтолкнувших его к этому причин.

«Я думаю, что за этим стоит Марвуд» – так написал отец в своей предсмертной записке. Располагал ли он доказательствами? Если располагал, то ничего не оставил. Возможно, он пришел к такому умозаключению, основываясь лишь на давней вражде между семьями. Адам ничего не знал наверняка, но одно было ясно: если отец считал Марвуда виновником всех своих бед, то именно изучением его личности и следовало заняться в первую очередь.

Герцог вышел из здания редакции и направился к экипажу. Погруженный в свои мысли, он не сразу различил знакомые черты в облике женщины, шедшей по противоположной стороне улицы. Она шагала быстро и решительно, словно ее ждало какое-то очень важное дело. Адам заметил блеск в ее глазах – блеск, очень много говоривший о характере этой женщины, уме, силе духа, страстности, а также о том, что она вполне могла бы стать источником неприятностей. Но Адам ничего не имел против последнего качества – ведь без него первые три редко встречаются. Он виделся с этой женщиной всего два раза, но скучными их встречи никак

не назвал бы. Каштановые с огненными бликами волосы, обрамлявшие лицо женщины, под шляпкой выглядели ошеломляюще на фоне траурного одеяния. «Интересно, как бы она выглядела в бледно-зеленом платье?» – неожиданно подумал Адам.

Представляя леди Клару именно в таком наряде, герцог пересек улицу и подошел к ней. При виде приближавшегося мужчины она нахмурилась – настроение у нее явно испортилось. Адам же едва не рассмеялся, заметив, каких усилий ей стоило сохранять на лице выражение, приличествующее дочери графа. Оставалось лишь догадываться, какие мысли роились сейчас у нее в голове.

– Леди Клара, какая приятная неожиданность! – воскликнул герцог.

– Да уж, приятная... – пробормотала девушка. – Сэр, у меня сегодня очень много дел.

– У меня тоже, но я со всеми справился. Что за дело привело вас в этот район?

Леди Клара ответила не сразу. Судя по всему, вопрос застиг ее врасплох.

– Здесь у меня дел нет. Я просто прогуливалась, перед этим посетив другое место. – Леди Клара внимательно посмотрела на герцога. – Вы что, проводили время на чердаке? У вас весь сюртук в пыли.

Она отряхнула рукав Адама, подняв небольшое облачко пыли, и этот жест показался молодому человеку таким привлекательным, что он заметил:

– Моему камердинеру подобное зрелище вряд ли бы понравилось.

– Стойте спокойно. – Леди Клара подняла руку, и Адама снова окутало облако пыли. Девушка отряхивала его точно ребенка, упавшего в грязь. Хотя и не так ласково, как это делает мать. С силой похлопав его по плечам и груди, она сказала: – Ну вот... Теперь гораздо приличнее. А мне пора идти, сэр.

– И вы столь безжалостно бросите меня посреди дороги? Я не видел вас почти две недели. Знаю, сам виноват: не наносил вам визитов, – а все потому, что был очень занят.

– Две недели? Так долго? А я не заметила. Хотя, если честно... Я не ждала ваших визитов. Не было причин.

– Мы оба знаем, что это неправда. Тем не менее мы все-таки встретились. Так что позвольте хотя бы проводить вас до экипажа.

– В этом нет необходимости. Я прекрасно дойду сама.

– Прошу вас, леди Клара. Я настаиваю.

Она молча стояла на тротуаре и всем своим видом напоминала маленькую девочку, застигнутую за какой-то шалостью.

– Вы приехали в собственном экипаже? – спросил Адам.

– Нет, – после долгой паузы ответила леди Клара, закусив нижнюю губу.

– Снова наемный? – Адам оглядел улицу. – Он живет где-то поблизости? Я имею в виду вашего друга...

– Нет никакого друга. Во всяком случае – в том смысле, который подразумеваете вы.

– Ну конечно...

– Я не шучу, сэр.

– Прошу вас, поймите, я несколько не шокирован. Ведь я наполовину француз. И вовсе не огорчился из-за ваших встреч, просто прошу положить этой связи конец. – Адам кривил душой. На самом деле он очень даже возражал. Как и любой другой мужчина, имеющий на женщину далеко идущие планы.

– Положить конец?... – переспросила Клара.

– Стараюсь быть вежливым, – ответил герцог. – Да, пока это всего лишь просьба. Которая скоро превратится в требование.

При этих его словах глаза девушки вспыхнули, и Адам невольно залюбовался ею. О, как же она восхитительна в гневе! И это, пожалуй, к лучшему. Ведь он не сомневался, что гневаться она будет очень часто.

– Полагаю, вы намеренно меня провоцируете, – проговорила леди Клара.

– Обещаю больше этого не делать, если вы согласитесь прогуляться со мной по парку. Для вашего спокойствия верх ландо будет опущен. А после прогулки я отвезу вас домой.

– А если я откажусь?

– В таком случае я последую за вами и начну задавать нескромные вопросы касательно вашего местонахождения в этом районе.

Клара тяжело вздохнула, достала из сумочки часы, взглянула на них и тихо сказала:

– В это час в Гайд-парке не так много народу. Что ж, давайте сделаем один круг, но не больше: после обеда у меня назначена встреча.

– Еще одно тайное свидание? Вы меня заинтриговали.

Адам предложил девушке руку, но Клара не оперлась на нее, а просто пошла следом за ним к экипажу.

Лорд Страттон становился серьезной помехой. Преимущество взрослой незамужней девушки, не интересующейся замужеством, состояло в том, что окружающие знали о ее отношении к браку, а посему не обращали внимания на то, чем она занимается. Клара наслаждалась своей свободой при жизни отца – и в особенности теперь, когда в гордом одиночестве жила в Гиффорд-Хаусе.

Но любопытство Страттона очень ей мешало. А теперь она и вовсе сидела рядом с ним в экипаже. И это вместо того, чтобы отправиться на встречу с дизайнером, которого она наняла для отделки дома на Бедфорд-сквер. Поскольку Клара никому не сообщила о покупке этого дома, она не могла допустить, чтобы герцог о нем узнал.

– Леди Клара, вы предпочитаете жить в городе? Вы ведь проводите в Лондоне довольно много времени, – заметил Адам, когда они уселись в ландо напротив друг друга и кучер опустил верх.

Окажись на месте герцога кто-то другой, беседа оказалась бы легкой и непринужденной, но Страттон был ужасно навязчив и задавал совершенно неуместные вопросы.

– Мне нравится и здесь, и за городом. Я провожу много времени в обоих домах. Однако после смерти отца я слишком долго жила в Гикори-Гранж. Пришло время вновь встретиться с подругами и вернуться в общество.

Едва эти слова сорвались с ее губ, Клара пожалела о том, что сказала слишком много.

– С вашими учеными подругами? – тут же спросил герцог.

– Да, с ними.

– И чем же вы занимаетесь, когда не ведете ученые беседы?

– Если я расскажу вам об этом, завеса тайны спадет.

Сказав про тайну, Клара вновь совершила ошибку и сразу же это поняла. Взгляд темных глаз тотчас устремился на нее: веселый и самоуверенный, – очевидно, Страттон считал, что видит ее насквозь. Разумеется, герцог ошибался, но все же этот взгляд ее тревожил – казалось, он таил в себе намек на близость, коей Клара совершенно не желала.

Стараясь скрыть охватившее ее волнение, она проговорила:

– Мои интересы и увлечения наверняка покажутся вам скучными и слишком женскими. Я посещаю магазины тканей и люблю теми, которых пока не могу себе позволить. Рассматриваю шелковые шнурки и кружево, стгорая от желания их купить.

– Так почему же не сделать это и не убрать до тех времен, когда они наконец понадобятся?

– Потому что предвкушение – часть удовольствия. И знаете, существует опасность, что страстное желание постепенно перерастет в лихорадку. Когда же я наконец получу возможность снять траур, то потрачу на новые наряды столько денег, что Тео не сможет расплатиться с моими долгами.

– О, я в этом сомневаюсь.

При этих словах герцога Клара поняла, что ему известен истинный размер ее наследства. Неужели об этом ему поведал Тео? Но, может быть, он просто слышал какие-то разговоры...

Тут Клара вдруг подумала, что причиной его абсурдного предложения стало ее приданое. Хотя нет, едва ли... Герцог Страттон вряд ли нуждался в деньгах. Впрочем, этого точно никто не знал. Так что ей, Кларе, действительно стоило бы узнать о нем побольше...

Итак – охотник за приданым? Как предсказуемо... И как банально...

Оказавшись в парке, Клара уговорила герцога свернуть с главной аллеи, чтобы их никто не заметил, и начала задавать свои вопросы.

– Сэр, неужели вам действительно нет никакого дела до того, что у женщины, которой вы делаете предложение, есть любовник? – спросила Клара, ожидая, что герцог найдет способ уйти от прямого ответа.

– Сколько вам лет? Двадцать четыре? Глупо было бы рассчитывать на то, что девушка сохранит невинность в этом возрасте.

– У вас довольно свободные взгляды, – заметила Клара.

– Мне нравится так думать. Я бы и вовсе не возражал против вашей связи с этим мужчиной, но мне не хочется, чтобы отцом моего будущего наследника оказался кто-то другой. Уверен, что вы меня понимаете.

Клара посмотрела на герцога в надежде увидеть на его губах улыбку, свидетельствующую о том, что все его намеки на женитьбу на ней всего лишь шутка, однако он был настроен вполне серьезно. Что ж, если так... В конце концов Клара решила, что лучше не развивать эту тему. Зато можно было бы задать ему несколько вопросов о его жизни и семье. Алтея обещала разузнать об этом человеке все, что сможет, но и она сама могла бы кое-что выяснить.

– Почему вы уехали? – спросила Клара; они сейчас катили по узкой уединенной дорожке.

– Пришло время вернуться.

– Я не о Франции. Почему вы уехали из Англии?

Настроение герцога тотчас изменилось – как если бы Клара своим вопросом отворила дверь в хранилище его мрачных мыслей. Он довольно долго молчал, потом проговорил:

– Мать не хотела оставаться здесь после смерти моего отца, поэтому я отвез ее во Францию и устроил в Париже.

– Она хотела вернуться домой, верно? Что ж, это вполне понятно.

– Она жила здесь на протяжении многих лет. Англия должна была стать ее домом, а не местом, куда можно сбежать в поисках убежища. Увы, многие не принимали ее здесь и не давали возможности почувствовать себя своей.

– Но если она счастлива во Франции, то лишь это и имеет значение, не так ли?

– Я не сказал, что она счастлива. Моя мать не хотела возвращаться во Францию: просто оставаться здесь... было невыносимо!

Резкий тон собеседника немного смутил Клару.

– Сэр, простите, если я неверно истолковала ваши слова. Я сказала, не подумав. Конечно же, она не хотела покидать страну, ставшую ее вторым домом.

Клара с трудом сдержалась, чтобы не задать вопрос, готовый сорваться с языка: почему матери герцога было невыносимо здесь оставаться?

Через некоторое время, остановившись, они вышли из экипажа и теперь стояли под деревом, ветви которого отбрасывали на них причудливые тени.

– Вы в самом деле знаете о моей жизни так мало? – спросил герцог. – И никогда не слышали пересудов о моей матери? Ведь ваш дебют состоялся до ее отъезда и до того, как умер мой отец.

Порывшись в памяти, Клара вспомнила, что кое-что все же слышала. В голосе бабушки всегда появлялись нотки презрения, когда она упоминала французскую герцогиню Страттон.

Бабушка Клары была из тех, кто во время войны думал обо всем французском только самое плохое.

Впрочем, не одна она презрительно фыркала, когда герцогиня Страттон появлялась на балах и званых обедах. Кларе всегда казалось, что все эти женщины попросту завидовали ее красоте и распространяли сплетни только из зависти. И все же Клара не проявляла сочувствия к этой женщине, а виной тому – давняя вражда между их семьями.

– Теперь, когда вы об этом заговорили, должна признаться, что действительно очень немного знаю о том, что ей пришлось вынести, – сказала Клара. – Несправедливо, что данное обстоятельство заставило ее покинуть страну.

К удивлению девушки, герцог вдруг поднес к губам ее руку и поцеловал.

– Она уехала не только поэтому. И все же отраднo осознавать, что вы считаете, что с ней обошлись несправедливо, – тихо проговорил Страттон.

Клара промолчала. Этот его поцелуй – быстрый и почти незаметный – внезапно породил ощущение невероятной близости: она почувствовала, как исходящее от него тепло прокатилось вверх по ее руке, а затем разлилось по всему телу. Взгляд этого мужчины словно поработил ее и не отпускал даже после того, как он снова запечатлел на ее руке поцелуй, на сей раз – долгий, неспешный.

Но Клара не отняла руку. Она молча смотрела в темные глаза герцога, не в силах отвести взгляд.

Тут герцог вдруг взял ее за плечи, и Клара невольно приблизилась к нему. В следующее мгновение она оказалась в его объятиях.

Герцог собирался ее поцеловать: Клара не сомневалась в этом, хотя и знала, что не стоило допускать ничего подобного. Она должна была оттолкнуть Страттона, – но почему-то не оттолкнула. Его взгляд словно парализовал ее, пробуждая весьма непристойное возбуждение.

Руки герцога обвили талию девушки, а она, точно зачарованная, молча ждала, прикрыв глаза.

Ждала, ждала и ждала...

Однако ничего не происходило, и Клара открыла глаза. И тотчас же охватившее ее возбуждение сменилось ощущением неловкости – девушка почувствовала себя ужасно глупо. Она попыталась высвободиться, но герцог не отпускал ее.

– Хотите, чтобы я вас поцеловал? – спросил он.

– Конечно, нет. Уверяю вас, у меня такого и в мыслях не было. – Теперь Клара уже не смотрела на герцога и не оставляла попыток высвободиться из его объятий.

– Это неправда, леди Клара. Давайте хотя бы в этом будем честны друг с другом. – Герцог склонил голову и накрыл ее губы своими.

У девушки перехватило дыхание. «Господи, как же он красив! – мысленно воскликнула она. – И как все это... возбуждает». Даже мрачное состояние его души теперь казалось ей соблазнительным. По спине ее пробежала чувственная дрожь, грозившая перерасти в нечто более значительное.

– Предвкушение – часть удовольствия, – тихо произнес герцог, напомнив Кларе ее же собственные слова. – Хотя всегда существует опасность, что страстное желание постепенно перерастет в лихорадку. – Тут губы его снова коснулись ее губ, пробуждая в душе целый водоворот разнообразных ощущений, таивших в себе нечто чудесное и удивительное.

Наконец герцог отпустил ее и сделал шаг назад. А она стояла перед ним, не в силах вымолвить ни слова, ошеломленная тем, как этот мужчина обратил против нее ее же собственные слова.

– Я должна идти, – пробормотала, наконец, Клара и, развернувшись на каблуках, направилась к экипажу, с каждым шагом все больше злясь и негодуя.

Весьма довольный собой, герцог не отставал от нее.

– Не могу поверить, что вы столь вероломно принудили меня к поцелую, – проворчала Клара, стараясь изобразить предельное возмущение.

– Ну, если и принудил, то мне это не составило особого труда. Более того, даже если бы мы с вами вдруг занялись любовью под одним из деревьев, то и это отнюдь не выглядело бы как принуждение.

– Сэр, вы слишком долго жили во Франции. Вот все, что я могу на это ответить.

Кларе хотелось как можно скорее оказаться в экипаже. А потом, до самого Гиффорд-Хауса, она не осмеливалась поднять глаза на своего попутчика. И едва не застонала, когда он настоял на том, чтобы помочь ей выбраться из ландо. Она внутренне сжалась, ощутив прикосновение руки герцога. И снова вознегодовала, обнаружив, что тело ее реагировало на прикосновения этого мужчины самым неподобающим образом.

Чтобы напомнить ему – и себе самой – о правилах хорошего тона, девушка проговорила:

– Прошу вас, сэр, впредь не забывайте, как должно обращаться с леди настоящему джентльмену.

– Я знаю, как нужно обращаться с леди, – отвечал герцог. – Но вы – моя будущая супруга, и это многое меняет.

Охваченная гневом, Клара бросилась к дому. Но в холле она тотчас же поняла, что ее нынешние злоключения еще не закончились. Оказалось, что Тео, бабушка и Эмилия покинули поместье, чтобы составить ей компанию в Лондоне.

Глава 5

– Почему ты такая мрачная? Не улыбнулась ни разу с тех самых пор, как вошла в дом, – проговорила Клара, входя в спальню сестры.

Ужин обернулся настоящим испытанием. Графиня раздавала указания, касавшиеся пребывания в городе, а Эмилия и Тео то и дело кивали точно послушные школьники. При этом бабушка решительно отвергла все возражения Клары.

Рухнув на кровать, Эмилия проворчала:

– Бабушка хочет, чтобы я встретилась со Страттоном. Ведь мы приехали в Лондон именно потому, что он здесь.

– Вас еще не представили друг другу?

– Тео уже не раз приглашал его в гости, но герцог все время отклоняет приглашения. – Эмилия надула губы. – Ужасно неприятно так навязываться. Ведь он явно меня избегает. Честно говоря, мне совсем не хочется с ним встречаться. Я только и жду, чтобы бабушка и Тео перестали его преследовать. Да, конечно, он герцог... Но показался мне... таким устрашающим, когда стоял на террасе. И вообще это несправедливо: меня пытаются выдать замуж до моего дебюта в обществе!

Опустившись на кровать рядом с сестрой, Клара обняла ее за плечи и тихо сказала:

– Да, это действительно несправедливо.

Было очевидно, что Эмилия после своего дебюта наверняка обзавелась бы множеством почитателей и претендентов на ее руку и сердце. Клара с теплотой вспоминала свой первый сезон. Разумеется, она не собиралась обзаводиться мужем, но ей очень нравилась вся эта суета и волнение – все, что предшествовало балам и званым обедам. Ей даже удалось получить несколько тайных поцелуев.

– И вот теперь вместо дебюта... Теперь я вынуждена сидеть взаперти, пока все мои подруги веселятся на балах, – пожаловалась Эмилия. – Одно дело носить траур за городом, совсем другое – находиться в Лондоне, но при этом сидеть дома, не снимая черного платья.

– Возможно, нам с Тео удастся уговорить бабушку, и она позволит тебе посещать какие-нибудь не слишком многолюдные мероприятия. Например, приемы в саду. Ты также можешь приглашать друзей к себе. Если бабушка позволяет тебе встречаться со Страттоном, то почему же нельзя общаться с другими молодыми людьми?

– Думаешь, она согласится? – В глазах Эмилии вспыхнула надежда. – Может, она позволит мне заказать несколько новых платьев? Ох, как же я устала от черного цвета!..

Клара невольно улыбнулась.

– Я постараюсь убедить ее, что тебе уже можно носить и другие цвета. С момента кончины нашего отца прошло уже полгода. Мне кажется, что после столь длительного периода траура юной девушке все же позволительно слегка принарядиться. Ничего яркого, конечно, но простенькие платья приглушенных тонов будут смотреться весьма пристойно.

Эмилия порывисто обняла сестру и расцеловала в обе щеки.

– Я буду ужасно благодарна тебе, если это удастся.

– А пока разошли письма своим друзьям и сообщи, что ты в городе и готова их принимать, чтобы поиграть в карты, например. Что же касается Страттона, то ты не обязана выходить за него замуж, если тебе не хочется. Надеюсь, ты это знаешь.

Радость Эмилии тут же улетучилась, и девушка со вздохом проговорила:

– Мне никогда не удавалось противиться воле бабушки. Ее я боюсь даже больше, чем герцога.

Клара тоже вздохнула. Да, конечно же, ее младшая сестра ужасно боялась бабку. Ведь та нагоняла страху даже на самых смелых из мужчин. И если бы не упорство герцога, то графиня давно уже объявила бы о помолвке.

– Надеюсь, Страттон не станет навещать нас и в Лондоне, – с тоской произнесла Эмилия.

Однако Клара очень в этом сомневалась. Бабушка не потерпит отказа, несмотря на все уловки герцога. Хотя... Возможно, он прямо заявит, что не желает участвовать в глупейшем фарсе, единственная цель которого – установление мира между семьями. Наверняка будет лучше для всех, если герцог действительно примет такое решение.

– Так ты скажешь, куда мы направляемся? – спросил Лэнгфорд у Адама, когда они, верхом на лошадях, свернули на Бонд-стрит. – Когда ты попросил присоединиться к тебе, я ожидал услышать объяснения.

Адам договорился с другом о встрече, однако умолчал о цели своего путешествия – и сделал это не случайно.

– Я обещал, что поездка будет занимательной, и не обману.

– Но я настаиваю, – проворчал Лэнгфорд. – Мне почему-то кажется, что мы едем вовсе не туда, куда бы мне хотелось...

Свернув с Бонд-стрит, Адам ответил:

– Хорошо, скажу, почему скрывал от тебя место назначения. Только сначала пообещай, что не бросишь меня одного.

– Что ты задумал, Страттон?

– Собираюсь нанести визит Марвуду.

– Нет! Этому щенку? Для чего? Я всегда думал, что вы заклятые враги уже не в первом поколении...

– Марвуд считает, что мы можем уладить наши разногласия и стать друзьями. И проявляет упорство. Постоянно присылает приглашения и даже последовал за мной в Лондон, чтобы загнать в угол. Вчера он нанес мне визит, но меня не было дома. И вот, наконец, я решил принять его приглашение.

Лэнгфорд молча пожал плечами, однако не отказался составить другу компанию. Минуту спустя он проговорил:

– Полагаю, он просто боится, что ты вызовешь его на дуэль из-за той старой ссоры. Он наверняка наложил в штаны от страха, услышав о твоём возвращении.

– Я никогда не вызываю на дуэль из-за оскорбления, нанесенного полвека назад, – заявил герцог Страттон.

Лэнгфорд внимательно посмотрел на него.

– Стало быть, ты согласен принять из его рук оливковую ветвь мира? Черт возьми, это очень любезно с твоей стороны.

Не обратив внимания на сарказм, прозвучавший в голосе друга, Адам сказал:

– Я слышал, что у него очаровательная сестра.

– Должно быть, ты говоришь о леди Эмилии. Да, очаровательное создание. Вот только никто ее не видел уже более года. Полагаю, из-за траура она пропустит этот сезон. Тем не менее все считают, что она стала еще краше. Но ты же не собираешься налаживать отношения с ее братом посредством ухаживаний за ней?

– Вообще-то я подумал, что этим захочешь заняться ты.

– Если это шутка, то мне не смешно, – пробурчал Лэнгфорд.

– Зато мне весело. – Адам улыбнулся. – Да не переживай ты так. Сомневаюсь, что на тебя можно накинуть ярмо таким ловким образом, что ты этого не заметишь.

– Некоторые мамыши из кожи вон лезут, чтобы меня окольцевать, – сообщил Лэнгфорд, нахмурившись. – Уж прости за отсутствие чувства юмора, но я ощущаю себя затравленным.

Итак... Значит, мы направляемся с визитом к твоему заклятому врагу, чтобы взглянуть на его сестру.

Адам с улыбкой кивнул.

– Очень точно подмечено.

– Но почему ты не сказал об этом сразу? – спросил Лэнгфорд.

Ответа он не получил – в этот момент друзья остановились у дома графа Марвуда на Портман-сквер. Адам дождался, когда слуги уведут коней, и лишь после этого вновь заговорил:

– Кстати, забыл сказать. Вчера он приезжал вместе со своей бабкой. Так что скорее всего ее мы тоже увидим.

Лэнгфорд со вздохом прикрыл глаза – теперь он выглядел как человек, молившийся о спасении.

– Я почти десять лет старательно избегал встреч с этой гарпией, – проворчал он. – И теперь, Страттон, мне ужасно хочется тебя придушить.

Адам снова улыбнулся.

– Но ведь ты же не хочешь, чтобы я предстал перед нею в гордом одиночестве, верно?

– Вообще-то я предпочел бы отправить к ней тебя, чтобы затем подобрать твои останки, после того как она с тобой разделается. Проклятье! Что ж, давай войдем. Надеюсь, сегодня она уже успела кем-нибудь закусить.

– Поторопитесь, миледи, – заметно нервничая, прошептала Джослин, служанка Клары.

– Что такое? – пробурчала Клара, едва сдерживая охватившее ее раздражение. Ведь она ясно дала понять Джослин, что хочет побыть одна. И все же девчонка ей помешала!

– Миледи, у ваших дверей стоит лакей. Он сообщил, что графиня ждет вас в библиотеке.

Со стоном схватившись за голову, Клара посмотрела на доставленный от Алтеи черновик очередного номера журнала, ждавший ее одобрения. О господи, ведь уже завтра эти листки с ее пометками должны отправиться в типографию!

Клара намеревалась покончить с делами завтра к полудню, но с тех пор, как члены ее семьи приехали в Лондон, у нее не было ни минуты покоя. Она не возражала против общения с Эмилией, но необходимость выполнять прихоти бабки ужасно раздражала.

Причем графиня вовсе не собиралась решать какие-то важные вопросы – просто ей хотелось поговорить, а Клара должна была ее слушать. И все же в общении с бабушкой был один положительный момент. Графиня разрешила заказать несколько новых платьев для Эмили и позволила той принимать посетителей.

К сожалению, вчера утром они серьезно повздорили, когда Клара воспротивилась приказу бабушки составить компанию ей и Тео во время их визита к герцогу Страттону. Впрочем, Клара не стала перечислять причины, по которым отказалась с ними ехать.

Во-первых, она собиралась встретиться с Алтеей. А во-вторых, они выглядели бы попросту смешно, если бы заявили к герцогу всем семейством. К тому же Кларе совсем не хотелось, чтобы Страттон подумал, будто она поддерживает стремление бабушки заключить мирное соглашение.

Нет, она ничего не объясняла бабушке, но наотрез отказалась составить ей компанию. И теперь раздумывала о том, сколь серьезной будет расплата за неповиновение.

– И слуга сказал, что графиня настроена очень решительно, – продолжала Джослин. – Он сказал, что прибыли важные гости и что вам необходимо сойти вниз.

Важные гости? Это мог быть кто угодно. Клара окинула взглядом свое скромное платье.

– Что ж, Джослин, если они так чертовски важны, я переоденусь в платье из черного бомбазина, расшитого бусинами из черного янтаря.

Тотчас же закивав, девушка поспешила в гардеробную, и Клара со вздохом последовала за ней.

Войдя в библиотеку пятнадцать минут спустя, Клара поняла, что лакей не преувеличивал. Даже по высоким стандартам бабушки гости оказались весьма важными.

Страттон решил ответить на вчерашний визит. Но он был не один, его сопровождал еще один герцог – Лэнгфорд. При появлении Клары мужчины поднялись со своих мест, чтобы должным образом поприветствовать ее. Здороваясь с гостями, Клара перехватила полный отчаяния взгляд Эмилии.

– Их светлости развлекали нас рассказами о вчерашнем бале у леди Монклер, – сказала графиня, когда все заняли свои места. – Должна заметить, мы очень веселились, слушая их рассказ.

– О, как бы я хотела оказаться на этом балу и увидеть все собственными глазами, – пробормотала Эмилия.

Лорд Лэнгфорд, красивый молодой человек с ясными голубыми глазами и темными локонами, с сочувствием посмотрел на девушку.

– Вы не слишком много потеряли, леди Эмилия. Скоро вы поймете, что все балы как две капли воды похожи один на другой.

– Наша бабушка решила, что Эмилия, несмотря на траур, все же может посещать некоторые светские мероприятия, – заметила Клара. – Чаепития в саду, например. Никто ее за это не осудит, вы со мной согласны? – Клара намеренно избегала смотреть на бабушку, поскольку еще не обсуждала с ней этот вопрос.

– Не вижу причины отказываться от этого, – ответил Лэнгфорд. – Дайте знать, где именно она будет присутствовать, и мы со Страттоном обязательно составим ей компанию.

– Как это любезно с вашей стороны. – Клара изобразила улыбку. – Мы непременно вам сообщим. Верно, бабушка?

– Конечно, – отозвалась графиня и тоже улыбнулась.

Но Клара знала, что бабушка вовсе не рада: в единственном произнесенном ею слове девушка услышала осуждение своей дерзости и даже угрозу наказания. Эмилия же сияла – было ясно, что она пропустит не все мероприятия этого сезона.

Сестра Клары выглядела сегодня прелестно. Впрочем, как и всегда. В льющихся из окон солнечных лучах светлые волосы юной девушки отливали золотом. Лэнгфорд же не сводил с нее глаз, хотя совершенно не подходил Эмилии. Так же, как и другой герцог, находившийся в этой комнате. Лэнгфорд славился своей необузданностью, и было очевидно, что этот обворочительный, точно грех, молодой аристократ непременно разобьет сердце женщине, отважившейся стать его женой.

Клара старалась не смотреть на Страттона, но он сидел по правую руку от своего друга и посему все равно попадал в поле ее зрения. Причем Страттон почти не обращал внимания на Эмилию, что, конечно же, не ускользнуло от внимания графини. Кларе оставалось лишь надеяться, что бабушка не догадывалась, на кого он смотрел на самом деле.

Нет, он не таранился на Клару во все глаза, но его взгляд довольно часто останавливался на ней, и в такие моменты она начинала испытывать неловкость. Клара понимала, что имела в виду Эмилия, когда говорила, что герцог кажется ей опасным. Только вот это слово не совсем точно описывало эмоции, которые он пробуждал в ее душе. Взгляды герцога воскрешали в памяти воспоминания об их недавней прогулке и о чуть было не состоявшемся поцелуе. А также о произносимых им словах, так ее возбуждавших...

– Сегодня такой чудесный день! – воскликнула графиня. – Клара, почему бы тебе не прогуляться с сестрой и нашими гостями в саду и не насладиться солнцем и свежим ветерком? А мы с твоим братом присоединимся к вам попозже.

Молча кивнув, Клара поднялась со своего места и повела гостей на террасу.

Адам устроил все именно так, как хотел. Когда они вышли на террасу, он оказался рядом с Кларой, а его друг сопровождал леди Эмилию.

Лэнгфорд мог без труда очаровать любую женщину независимо от ее возраста. Такова уж была его натура. Короли рождаются на свет, чтобы править. Лэнгфорд же родился для того, чтобы соблазнять. Но сегодня, в обществе юной и невинной Эмилии, герцог сдерживал себя как мог. И все же его голубые глаза прожигали девушку насквозь, а улыбка таила в себе невысказанные обещания. Совершенно сбита с толку, Эмилия только и делала, что краснела и смущенно хихикала, причем ничто из вышеперечисленного не ускользнуло от внимания Клары.

– Вы поступили очень умно, прихватив с собой Лэнгфорда, – обратилась она к Адаму. – Иначе моя бабушка расценила бы ваш визит как попытку начать ухаживания за Эмилией и подтверждение того, что вы поддерживаете ее матримониальные планы.

– И она была бы права. Ошиблась бы лишь кое в чем другом. Но мы пока не станем ничего ей объяснять – пусть это останется нашей с вами маленькой тайной.

– Сэр, мне бы хотелось закрыть эту тему. Вы и сами знаете, что эта «маленькая тайна» останется таковой навеки, поскольку я никогда не приму вашего предложения. У меня нет на то никаких причин.

– Ошибаетесь, есть. И не одна. Я назову вам их, но не сейчас.

Впереди послышался залиvistый смех Эмилии. Должно быть, Лэнгфорд отпустил какую-то шутку.

– Надеюсь, он не строит на ее счет какие-либо планы, – тихо сказала Клара. – Потому что Лэнгфорд не для нее.

– Столь юные девушки никогда не вызывали у него интереса. Так что я на вашем месте не беспокоился бы.

– Вы с ним друзья?

– Еще со школы. – Адам негромко рассмеялся. – Иногда я забываю, как мало вы обо мне знаете.

– Вашей семьи никогда для нас не существовало, поэтому я не замечала ни вас, ни тех, с кем вы дружите.

– Никогда меня не замечали? Это оскорбительно. Неужели никогда, ни разу? – проговорил герцог с усмешкой.

Клара почувствовала, как заливается краской. Конечно же, она обращала внимание на герцога Страттона до его отъезда во Францию. И, конечно же, видела его на балах во время своего первого сезона. Да и можно ли было его не заметить? Он выделялся среди остальных мужчин своей красотой и чувственностью. Однажды на балу Клара ощутила какое-то странное спокойствие – словно оказалась на небольшом островке тишины и умиротворения. И этим островком был герцог Страттон, находившийся в самом центре бушевавшего вокруг него водоворота шума и суеты.

И Клара помнила, что он тогда перехватил ее взгляд. И конечно же, понял, что в то короткое мгновение она смотрела на него совсем не так, как смотрят на врагов.

Тут герцог наклонился к ней и тихо проговорил:

– Не думаю, что нас не существовало для вашей семьи. Полагаю, наши отношения бурно обсуждались. Разумеется, не с вами и не вами. Но ваши родители об этом говорили. Я прав?

Его голос, дыхание, жар тела – все заставляло Клару все сильнее нервничать. Она бросила взгляд на сестру в надежде, что та отошла не слишком далеко и сможет в случае необходимости спасти от общества герцога.

– Да, иногда родители об этом говорили, – ответила она.

– В то время, когда происходила битва при Ватерлоо, не так ли? Или несколько месяцев спустя?

Клара мысленно перенеслась на несколько лет назад – и ее сознание тотчас же наполнилось множеством голосов. Клара слышала своего отца – причем так отчетливо, что защемило сердце, – но вскоре его заглушили другие голоса, более громкие. А потом Клара даже увидела отца, что-то закричавшего и стукнувшего кулаком по письменному столу в библиотеке.

– Нет, – солгала она. – Не тогда. Во всяком случае, я ничего такого не помню.

Клара не знала, почему солгала: может, из-за того, что герцог так пристально наблюдал за выражением ее лица, словно ее ответ много для него значил.

Тут шагавшие впереди Лэнгфорд и его спутница остановились, чтобы дождаться Адама и Клару. При этом счастливая Эмилия не спускала глаз с Лэнгфорда.

– О господи... – вполголоса пробормотала Клара.

– Не волнуйтесь. Я познакомлю ее с более подходящими молодыми людьми, – поспешил успокоить Клару Страттон. – С надежными и не представляющими опасности. Так что она быстро забудет сегодняшнее увлечение моим другом.

– Визит получился довольно странный... – заметил Лэнгфорд, когда друзья свернули на Бонд-стрит.

Адам взглянул на него с удивлением.

– Почему?

– И он еще спрашивает! – воскликнул Лэнгфорд. – Ты, Страттон, распрекрасно знаешь ответ на свой вопрос. Не знай я тебя лучше, подумал бы, что ты намеренно свел меня с этой девушкой. По просьбе старой графини. Но если она настолько неразумна, что отважится рискнуть добродетелью собственной внучки, то ей все равно придется стать в очередь следом за теми девушками, чьи матери столь же безрассудны, как она.

– Я вовсе не собирался сводить тебя с Эмилией, – заявил Адам. – Просто мне необходимо было избежать общения с ней. Я никогда не встречался с ней прежде и не желаю, чтобы обычный визит вежливости был расценен ее родственниками как нечто большее.

– Я счастлив, Страттон, что подошел на роль твоего спасителя. Только прошу тебя: в следующий раз предоставь эту честь Брентворту.

– Да он напугает ее так, что она и слова вымолвить не сможет. К тому же он не настолько беспечен, чтобы согласиться на такую роль. Он не любит рисковать.

– Ты хочешь сказать, что выбрал меня на эту роль потому, что считаешь идиотом? Но я тоже не желаю рисковать! И если графиня Марвуд начнет высказывать какие-то домыслы, то, клянусь, я...

– Вот что ты должен сделать, – перебил приятеля Адам. – Нанеси им еще один визит через несколько дней.

– Я что, похож на сумасшедшего? – возмутился Лэнгфорд. – Знаешь, я, возможно, переживу этот сезон, если мне придется сражаться лишь с ополчившимися против меня мамашами, но если с фланга зайдет графиня Марвуд, меня ждет оглушительное поражение.

– Ох, я забыл, Лэнгфорд, о твоей склонности все драматизировать. Так вот, послушай меня... Нанеси им еще один визит, но сделай это так, как скажу я. Возьми с собой кого-нибудь еще – например, своего брата.

– Гарри? Да он до смерти наскучит этой девчонке.

– Нет-нет. Она еще слишком юная, и общество спокойного рассудительного Гарри не будет ее подавлять. К тому же она обретет в городе еще одного друга. И кто знает, как все повернется дальше. В любом случае дорога для него свободна.

Лэнгфорд ненадолго задумался, потом пробормотал:

– Что ж, это может сработать. Сдается мне, ты брал во Франции уроки сводничества.

– Во Франции я научился многим вещам. Однако же... Сейчас мне нужно остановиться здесь. – Адам спешился. – А ты можешь ехать по своим делам.

Лэнгфорд бросил взгляд на магазин, возле которого привязал коня его друг.

– Собираешься купить украшение?

– Да так... безделицу.

Лэнгфорд тоже спешился.

– Для кого?

– Для моей прекрасной леди. Я встречусь с ней еще несколько раз, прежде чем преподнести подарок. А сейчас пришло время его выбрать. – Адам в сопровождении друга вошел в магазин.

– Честно говоря, я сбит с толку, Страттон. Ты ведь только что посоветовал мне познакомиться с ней своего брата – и ты совсем не обращал на нее внимания. Так как же... – Лэнгфорд осекся, потом вдруг воскликнул: – О черт! Это же совсем не для нее, верно? Это для ее старшей сестры. Скажи, что я ошибаюсь, потому что более неудачного выбора просто быть не может. Уж больно это напоминает сделку с дьяволом...

Адам попросил продавца показать жемчужные серьги. Лэнгфорд же, толкнув его локтем, решительно заявил:

– Ты снова ошибся с выбором. Украшения с жемчугом скромны, сдержанны и консервативны. А твоей ведьме нужно что-то яркое и неожиданное – как свидетельство того, что она не станет подчиняться мужчине. Для нее нужно что-то...

– Я начинаю думать, что она тебе не нравится, – с усмешкой перебил Адам.

– Она вообще мало кому нравится. С презрением смотрит на любого потенциального ухажера. Такое поведение отпугнет кого угодно. – Лэнгфорд жестом приказал продавцу унести изделия с жемчугом. – Принесите-ка нам лучше рубины, мой друг. Чем крупнее и необычнее, тем лучше.

Глава 6

– Я решила, что мне необходимо переехать сюда, – поделилась Клара с Алтеей, когда они закончили править черновик журнала.

Подруги тщательно завернули рукопись в бумагу, и теперь Алтея должна была доставить пакет в типографию. Внимательно посмотрев на Клару, она спросила:

– Что, жизнь под одной крышей с родственниками оказалась невыносимой?

Клара со вздохом кивнула:

– Увы, да. Бабушка считает, что может диктовать мне свои условия и требовать, чтобы я сопровождала ее во время всех визитов. Свободе передвижения тоже пришел конец. Чтобы встретиться сегодня с тобой, мне пришлось в буквальном смысле слова улизнуть из дома. Я уже начинаю опасаться, что скоро она начнет проверять мою почту.

Клара обвела взглядом свою библиотеку в доме на Бедфорд-сквер. Хотя и не такой большой, как Гиффорд-Хаус, этот дом ее вполне устраивал. Живя здесь постоянно, она сможет быстрее осуществить свои планы, связанные с этим жилищем.

И действительно, где женщинам проводить досуг и встречаться с друзьями? Только у себя дома. У мужчин для этого имелись клубы, таверны и кофейни. Так почему бы и женщинам не обзавестись чем-то подобным? В этом доме – с его гостиной, комнатой отдыха и библиотекой – Клара вполне могла бы принимать друзей. К тому же здесь почти ничего не придется переделывать.

Как было бы замечательно, если бы у женщин было место, где они могли провести время с подругами, поболтать, выпить чаю с пирожными или – почему бы и нет? – немного вина. Ей, Кларе, понравилось бы посещать такой дамский клуб, да и другим женщинам тоже.

– И когда ты собираешься переехать? Имей в виду, что это очень ответственный шаг, – сказала Алтея.

– Скоро. Я уже велела служанке паковать вещи.

– А ты сообщила об этом брату, сестре и бабушке? Или же последнюю ты решила сбросить со счетов?

– Пока нет.

– Намереваешься улизнуть ночью, оставив записку?

– Конечно, нет, – возразила Клара, хотя подобная мысль приходила ей в голову. – Давай не будем сейчас рассуждать о том, какой скандал последует за моим признанием, и поговорим о чем-нибудь другом. Ты узнала что-нибудь о Страттоне?

Алтея самодовольно улыбнулась.

– Возможно.

– Так ты расскажешь – или будешь меня дразнить?

– Думаю, было бы справедливо немного тебя помучить. – Клара снова улыбнулась. – И знаешь, учитывая то чувство вины, которое я испытывала, добывая эту информацию, мне стоило бы взять с тебя плату.

– О господи... Говори же... – проворчала Клара.

– Так вот, я узнала, что в свое время появились слухи, будто бы покойный герцог погиб вовсе не вследствие несчастного случая на охоте. Поговаривали, что он застрелился.

Клара в изумлении уставилась на подругу.

– Кто это тебе сказал? Разве можно говорить столь ужасные вещи? Тем более что это скорее всего неправда?

– Я вытянула информацию из своей двоюродной бабки, – с гордостью ответила подруга.

– Из той, за которой нужно приглядывать?

– Да, верно. Мне очень хотелось бы думать, что я вовсе не воспользовалась ее беспомощным состоянием, но, увы, это не так. Она гостила у моего брата, и как-то раз мы остались с нею наедине. Перед этим я спросила брата, что ему известно о Страттоне, но он не успел ответить, поскольку его позвал секретарь. И тогда бабушка начала рассказывать о Страттоне, как если бы я адресовала вопрос ей. – Алтея закусила губу. – Наверное, мне следовало ее остановить...

– А может, она с кем-то его перепутала? С кем-то, кого знала много лет назад.

– Нет, не думаю. Судя по тому, что рассказала, они ничего не напутала.

Клара подалась вперед, чтобы не пропустить ни слова.

– Так вот, она сказала: «Конечно же, его преданность Англии была подвергнута сомнению. Так как же еще он мог поступить?»

– Так и сказала?

Алтея кивнула.

– Да, совершенно верно. А потом вернулся брат и так гневно на нее посмотрел, что она тотчас же замолчала.

– А я вот не помню никаких разговоров, касавшихся преданности герцога. Хотя, конечно, никто не стал бы говорить о таких вещах открыто, раз не было предъявлено официальное обвинение.

– Но моя бабушка могла ошибиться. Или, как ты говоришь, перепутать Страттона с кем-то другим.

И тут Кларе вспомнились обрывки давних разговоров, которым она никогда не придавала значения. И она вновь увидела отца, склонившегося в библиотеке над свежим выпуском «Таймс» и устремившего взгляд на объявление в черной рамке. Клара обратила внимание на эту заметку лишь потому, что ее поразило выражение лица отца. Лицо его выражало не печаль или любопытство, а холодную решимость, что выглядело странно для пэра Англии, узнавшего о кончине другого пэра.

– Бабушка также сказала, что это случилось у него в поместье, – продолжала Алтея. – По ее словам было понятно, что она осуждала герцога, так как всегда считала самоубийство дурным тоном.

– Какой ужас... – Клара прониклась сочувствием к герцогу. Ведь она и сама совсем недавно потеряла отца. Но в сложившихся обстоятельствах потеря Страттона казалась еще более тяжелой. – Неудивительно, что он уехал из Англии почти сразу же после похорон. Я имею в виду нынешнего герцога. Если в эти слухи поверила даже твоя двоюродная бабушка, то все остальные и вовсе приняли эту историю за чистую монету. Должно быть, перешептывания за спиной стали для Страттона просто невыносимыми.

– Мне кажется, он уехал именно из-за этих домыслов о предательстве. Ведь это может навсегда запятнать имя и честь семьи.

– И все же мне не хотелось бы в это верить, хоть они и враги нашей семьи. Однако все рассказанное тобой отчасти объясняет все эти дуэли во Франции. И все же давай пока считать, что твоя родственница ошиблась, пока не получим подтверждение из других источников, – со вздохом добавила Клара.

Алтея поднялась со своего места и взяла со стола пакет с рукописью.

– Ну, мне пора, если мы хотим, чтобы рукопись попала в типографию сегодня. Еще надо решить, как доставлять свежие номера журнала в книжные магазины. Хочешь, напишу всем нашим дамам и приглашу их на встречу?

– Да, пожалуй. В понедельник будет удобно. Пока же мне нужно разобраться с кое-какими семейными делами. – Клара проводила подругу до дверей. – А о том, что ты мне сегодня рассказала, будем молчать.

– Тебе больше не нужна информация, чтобы опубликовать статью?

– Когда все точно узнаем, тогда и опубликуем. А до тех пор это останется между нами. Не хочу огорчать герцога неподтвержденными рассказами.

Алтея поцеловала подругу в щеку.

– У тебя доброе сердце, Клара. Ты умеешь сочувствовать самым разным людям. Возможно, старая вражда между вашими семьями уже утратила для тебя значение.

Утратила?... Какая глупость! Конечно же, нет! И никому она не сочувствует. Просто она ответственная. Бездоказательное очернение доброго имени – удел великосветских сплетников и бульварных газетенок. Ее журнал подобными вещами не занимается.

Два дня спустя Адам и Брентворт провели некоторое время на боксерском ринге. После тренировки они ополоснулись и переоделись. Адам завязывал галстук, когда в комнату вошел Лэнгфорд. Перед тем как разъехаться по домам, друзья собирались выпить эля в ближайшей таверне.

– Страттон, ты ему сказал? – поинтересовался Лэнгфорд, внимательно наблюдая за приятелями.

Адам проигнорировал вопрос.

– А что он должен мне сказать? – спросил Брентворт.

– Что положил глаз на одну даму. И даже купил ей в подарок украшение.

Резко развернувшись, Брентворт взглянул на Адама.

– Знаешь, Страттон, ведь сезон только начался. Сомневаюсь, что ты успел рассмотреть все варианты.

– Она почти не появляется на балах или званых обедах, – пояснил Лэнгфорд. – Эта дама не из тех юных дебютанток, о которых ты подумал.

– Вы меня заинтриговали... – протянул Брентворт. – Кто же она, а, Страттон?

Адам застегнул жилет и надел поверх него сюртук.

– Если ты ему не ответишь, то это сделаю я, – предостерег Лэнгфорд. – Видишь ли, по каким-то одному дьяволу ведомым причинам он решил остановить свой выбор на леди Кларе Чезуик.

– Сестре Марвуда?... – изумился Брентворт. – Или, если точнее, на его старшей сестре? Страттон, ты что, ударился головой во время своего пребывания во Франции? Я слышал, младшая сестра графа – потрясающая красавица, в то время как старшей было нечем похвастать даже в юности. Разве только своим непростым нравом...

– Я бы сказал, слишком непростым, – вставил Лэнгфорд.

– Мне нравится это качество, – заявил Адам. – Мужчины, боящиеся обнаружить в женщине характер, попросту бараны.

– Что ж, полагаю, она тоже довольно-таки хорошенькая, – пошел на попятную Брентворт.

– Что бы это ни означало, – произнес Лэнгфорд.

– Я также слышал, что она получила весьма солидное наследство от своего отца, – как бы между прочим заметил Брентворт.

– Страттона менее всего интересует ее наследство, – возразил Лэнгфорд. – Но скажи, разве ты не находишь в высшей степени подозрительным его интерес к женщине из этой семьи? Пусть даже красивой, богатой и обладающей завидной силой воли...

– Это действительно очень подозрительно. Что ты задумал, Страттон?

Закончив одеваться, Адам посмотрел на друзей.

– А вы как полагаете?

– Предлагаешь нам самим догадаться? Что ж, у нас с Лэнгфордом будет время подумать по дороге в таверну, хотя, полагаю, хватит и пяти минут, чтобы получить ответ на свой вопрос.

Десять минут спустя, когда друзья уже сидели в таверне, Брентворт вновь заговорил:

– Мне на ум пришло три возможных причины твоего интереса к этой женщине.

– Целых три? – усмехнулся Адам.

– Страттон, хватит! – воскликнул Лэнгфорд. – Эта твоя таинственность может произвести впечатление на женщин и глупцов, но мы-то тебя знаем, помни это.

Адам молча пожал плечами и сделал глоток эля.

– Первая причина! – объявил Брентворт. – Ее наследство на самом деле гораздо богаче, чем мы думаем, и она преумножит твое собственное.

Адам по-прежнему молчал, а Брентворт продолжил:

– Вторая причина – девушка по-своему красива. И это ее своеобразие привлекает тебя больше, чем, например, меня.

– Страттон, он прав? – спросил Лэнгфорд. – Что ж, у нее действительно очень красивые глаза. А вот рот слишком велик. И полагаю, кое-кто из мужчин счел бы ее... – Он замолчал.

– И, наконец, третья причина! – Брентворт пристально взглянул на Адама. – Ухаживания за ней каким-то образом помогают тебе в деле, ради которого ты вернулся. То есть она всего лишь пешка в твоей игре.

Адам едва сдержался, чтобы не поздравить друга. Брентворт всегда отличался проницательностью и острым умом и не страшился выдвигать предположения, которые даже в голову не пришли бы людям вроде Лэнгфорда. И получалось так, что, по мнению Брентворта, интерес Адама к леди Кларе был лишен не только романтики, но и благородства.

Лэнгфорд же тем временем переводил взгляд с одного друга на другого – словно ожидал ссоры или чего-то подобного. Он уже готовился вмешаться, чтобы предотвратить драку, если друзья вдруг вздумают поколотить друг друга.

– Ты, Брентворт, слишком высокого обо мне мнения, – произнес, наконец, Адам.

– Я действительно очень высокого о тебе мнения. Но в данном случае у тебя есть цель, а люди, преследующие какую-либо цель, делают свой выбор, руководствуясь совершенно иными причинами, нежели все остальные.

– Для достижения моей цели леди Клара не нужна. Но так уж случилось, что она несказанно меня заинтриговала. И, уж конечно, ее никак нельзя назвать скучной. Впрочем, ее не мешало бы немного укротить. Но от этого мне еще интереснее. Что же касается ее глаз и рта... Лэнгфорда они ничуть не привлекают, в то время как мое воображение рисует картины неземных удовольствий. Кажется, я готов завладеть ею, несмотря ни на что.

– Стало быть, твои помыслы действительно не так уж чисты... – протянул Лэнгфорд. – Что ж, мне стало легче. Все эти разговоры о прекрасной леди заставляли меня думать, что ты помышляешь о женитбе. Но если ты просто вознамерился ее соблазнить, то беспокоиться не о чем.

– Я действительно намерен ее соблазнить, – заявил Адам и не солгал.

Клара ведь никогда не примет его предложение: он знал это еще до того, как его сделал, – но предложение руки и сердца служило оправданием его визитов и настойчивого внимания.

Лэнгфорд мысленно потирал руки. Наконец-то они коснулись его любимой темы! Будучи непревзойденным дамским угодником, он всегда был готов дать дельный совет. И вот сейчас ждал, что друзья попросят его помощи.

Однако более практичный и весьма скептически настроенный Брентворт вновь с подозрением посмотрел на Адама.

– Надеюсь, ты не собираешься вынудить ее брата вызвать тебя на дуэль в попытке защитить честь сестры? Поверь, это не сработает. Она не юная девица и скорее всего не девственница. К тому же Тео не настолько храбр и безрассуден.

– Меня совершенно не интересует дуэль с ее братом, – ответил Адам. – Тем более из-за ее чести. Напротив, я рассчитываю на то, что ему нет никакого дела до старшей сестры.

– Вот и хорошо, – кивнул Брентворт.

– Ну и как, Страттон, наметился прогресс? – поинтересовался Лэнгфорд. – Я слышал, она не склонна любезничать со своими воздыхателями и терпеть не может лести.

– События развиваются довольно быстро.

– Черт возьми, что это означает? Выражайся яснее, дружище. Ты уже ее поцеловал? Если нет, то рубины были куплены слишком рано.

– Страттон тебе ничего не скажет, – произнес Брентворт. – Он никогда не имел привычки болтать о своих победах, и я уверен, что в этом смысле ничего не изменилось. Ты только посмотри на него. Какое самодовольство написано на лице! Наши вопросы его лишь забавляют. Он ничего не расскажет. Разве что ты выманишь ответ хитростью.

Лэнгфорд рассмеялся.

– Страттон, позволь мне заказать всем нам еще эля.

– Если у меня появится что-то действительно интересное, ты, Лэнгфорд, будешь первым, кто об этом узнает. Я бы обратился с такими же словами и к Брентворту, но он теперь выше всего этого.

– Ну, не настолько уж выше. Честно говоря, я опасался, что твои намерения серьезны. В конце концов, даже ее собственный отец втайне считал, что она не подходит на роль жены герцога. – Брентворт сказал об этом как о чем-то обыденном и прекрасно всем известном.

Адам взглянул на него с удивлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.